

Сергей Плеханов

ДЕЛО ГДЛЯНА

Анатомия политического скандала

*Клуб «Олимпас»
Каунас, 1991*

НОЧНОЙ ПОЖАР. I

В начале февраля 1984 года я жил в деревне. Вьюги нанесли у заборов и стен домов высокие валы снега. Сильный ветер сдувал с полей белый покров, местами обнажая смерзшуюся землю. В сером небе едва угадывался мутный лик солнца.

Так было день, другой, неделю. Этот постоянно завывающий ветер нагонял гнетущее безразличие ко всему на свете. Казалось, никогда уже не будет перемен к лучшему, грядущее как бы переставало существовать, превращаясь в некое подобие мутного светила, вот-вот готового исчезнуть в тучах. День ото дня стужалось предчувствие неминуемой беды. И она стряслась однажды ночью.

Я пробудился словно от какого-то толчка. Открыв глаза, увидел розовые блики, мечущиеся по стенам. Сквозь гудение ветра пробивались далекие-далекие голоса: кто-то то ли кричал, то ли пел.

Отодвинув шторы, я увидел в окне зарево, полыхающее, похоже, на соседней улице. Оттуда летели снопы искр, по черному асфальту дороги, по утопанному снегу двора, по шиферным крышам соседних строений катились пылающие уголья. Ветер моментально подхватывал их и кидал дальше, они снова перекатывались по ровным поверхностям, пока не застревали в снежных лунках и валах вокруг деревьев или возле заборов.

В соседнем доме зажгли свет. Мало-помалу загорелись огни и в остальных строениях на нашей улице. Появились люди - одни шли, наклонившись против ветра в сторону пожара, другие металась по дворам, истребляя залетевшие уголья.

Наутро сообщили, что в сгоревшем доме обнаружили несколько почерневших трупов. Это известие, при всей его чудовищности, я воспринял как нечто само собой разумеющееся. В той давящей атмосфере, которая предшествовала пожару, во мне жило постоянное ожидание грядущих несчастий. И вот теперь, когда оно подтвердилось, образ ночного пожара, образ катящихся под ударами свирепого ветра бесчисленных головней стал для меня символом сути происходившего со всей страной, со всеми нами. И до сих пор, когда я вспоминаю то время, я сразу вижу проснувшееся в тревоге селение, рассыпающееся снопами искр чье-то жилище, хмурые лица, устремленные в сторону зарева, от которого может заняться огнем весь этот хрупкий мир, придавленный беззвездной ночью...

БУХАРСКИЙ ТУРОК

В Узбекистане тем временем шли проливные дожди. Люди с такой же тревогой вглядывались в тяжелые тучи, среди которых заблудилось солнце. Тревога не оставляла многих - и не только то безотчетное томление, которое вызывается затянувшейся непогодой. Отовсюду наползали мрачные слухи об арестах, обысках, допросах, самоубийствах.

Утром 22 февраля 1984 года начальника отдельного дивизиона ГАИ Управления внутренних дел Бухары майора Видадила Иззатова вызвали в управление Комитета государственной безопасности по Бухарской области. В кабинете майор застал

множество людей, в том числе и начальника Бухарского КГБ Муртазаева. Иззатова явно ждали, ибо стоило ему войти, обычно важный и немногословный, Муртазаев быстро заговорил, теребя тесемки папки и поглядывая на сидевшего за столом узкогрудого, начинающего лысеть мужчину:

- Вот он, наш герой. За двадцать пять лет службы в УВД со всеми руководителями города и области имел дело... Ты, Видадил, человек умный, сможешь в важном деле товарищу Гдлян Тельману Хореновичу. Он прибыл к нам из Москвы с очень большими полномочиями.

Когда Иззатов остался наедине с Гдлян, московский следователь заговорил, изредка поглядывая в лежавшие перед ним бумаги, о том, что оба они с Кавказа - ведь Видадил - турок-месхетинец - и посему должны без труда найти общий язык, как земляки. О себе Тельман Хоренович сообщил, что приехал по специальному заданию Генерального прокурора СССР Рекунова с тем, чтобы арестовать очень многих больших людей. С добродушной улыбкой заметил, что в его списке стоит и имя Иззатова. Но если майор согласится помочь ему в избличении таких лиц, как первый секретарь обкома партии Каримов, председатель облисполкома Асадов, бывший начальник Бухарского УВД генерал Норов, то...

Ушел Иззатов из КГБ только в полночь. Пока ехал домой, поглядывал в зеркало заднего вида: после четырнадцатичасового допроса все перевернулось в его душе, из уважаемого и влиятельного человека, каким он ощущал себя еще утром, он превратился в ничего не значащего "мусора". Это последнее словечко, целый день на разные лады повторяемое Гдлян и его помощниками, то входившими, то выходящими из кабинета, воспринималось Видадилом как самое веское доказательство его неожиданного падения.

Все последующие дни майор Иззатов являлся в КГБ как на работу. В знакомом кабинете собиралось иной раз до десяти следователей, в присутствии которых Гдлян вел с начальником дивизиона ГАИ задушевные беседы. Турок упорно отказывался давать показания на руководителей области и города, хотя слова Тельмана Хореновича о том, что он прислан для того, чтобы установить советскую власть в Бухаре, что таких влиятельных людей как он, Гдлян, всего четыре человека в Союзе, изрядно утратили его. И все же - показать, что давал взятки самому Каримову?.. Хотя от страха иной раз холодело все тело, Видадил продолжал упрямо твердить: ничего не знаю.

22 марта Иззатова повесткой вызвали в Ташкент, в КГБ Узбекистана. Изрядно исхудавший майор в измятом от сидения в самолете форменном кителе явился в кабинет 323. За столом восседал Гдлян. С улыбкой протянув турку какую-то бумагу, добродушно сказал:

- Ну вот, мусор, как видишь, я свое слово сдержал!

Майор взял лист в руки и стал читать, натужно шевеля губами, расплывающиеся дрожащие строки постановления о взятии под стражу в качестве обвиняемого по статьям 152 часть II и 153 часть II Уголовного кодекса Узбекской ССР.

КОЛОНИЯ ОСОБОГО РЕЖИМА

Оперуполномоченный ИТУ УЩ 349/13 просматривал ворох жалоб в Прокуратуру СССР. Смена власти в Кремле зажгла в обитателях спецИТУ огонек надежды. Вероятно, каждый из них полагал, что произошедшие наверху перестановки коснутся только его лично, ибо он-то пострадал безвинно в отличии от некоторых. Но начальство, принимающее эти заявления, четко фиксирует бумажные приливы по мере того, как меняется хотя бы один человек из высшего руководства. А после смерти Андропова вал поднялся особенно высоко: пишут бывшие секретари обкомов, республиканские министры, прокуроры. Ну пожалуй, им-то есть резон бомбить начальство: не последними людьми были, может, кто-то из их старых друзей сейчас всплывет на поверхность. И тогда все изменится в их судьбе. Но этот Иззатов, бухарский гаишник, он-то на что уповаешь? Да таких, как он, мелких взяточников от правосудия, никогда никакая перемена не коснется. Кого может заинтересовать его судьба?

Через руки оперуполномоченного прошли уже десятки сочинений этого Иззатова и его подельников, он наизусть уже знает все, что они могут написать. Но порядок есть порядок, заявление должно быть принято, прочитано и направлено адресату.

Опять обвинения Гдляна как авантюриста и фальсификатора... Изложение обстоятельств дела... Виновным себя не признал... Приговор - по максимуму - к 13 годам... Это, конечно, подозрительно похоже на месть следствия... Но не надо было на рожон переть...

Оперуполномоченный, зевнув, складывает листки, исписанные крупным следовательским почерком. Ничего-то тебе не светит, друг ситный, не такие как ты, от звонка до звонка досиживали свой срок в Тагиле...

Этот лагерь знали все тагильские мальчишки. Рядом с ним проходит трамвайная линия на Вагонку - район, отделенный от города пустырями, заводами, какими-то неказистыми садовыми участками. Возле лагеря трамвайная остановка, от которой по воскресеньям толпами валит народ - в сотне метров от высокого дощатого забора с колючкой находится барахолка или, по-местному, толкучка.

Ближе ко входу ныне кучкуются фарцовщики, торговцы богатым товаром. А где-то в дальнем углу собираются мужики лет пятидесяти-шестидесяти с гармошками. Компакт-кассеты, рок, стереотехника выжили владельцев трехрядок и тальянок с почетного места у ворот. Но когда-то гармошечники - они были тогда молодыми, мускулистыми, стриженными под бокс - считались королями барахолки. А про фарцу в те времена в Тагиле и не слыхивали. Ее задавили бы, как вошь.

Мальчишки подолгу могли стоять рядом с гармонистами, слушать, как они наяривают страдания, "Варяга", "Чай-чай-чай" и прочий благняк. Иной раз в ряды продавцов затесывались какие-нибудь бойкие бабенки из деревни, и тогда барахолку оглашали срамные частушки.

Подростки стояли, засунув руки в карманы штанов, переминаясь на раскисшей грязи, сорили окрест себя шелухой семечек. А над всеми ними - над удалыми гармонистами, над срамословящими бабенками, над счастливыми мальчишками - выползали из заводских труб и пухли красные, фиолетовые, желтые облака дыма, они плыли над барахолкой, посыпая несчастную землю и ее обитателей всеми мыслимыми канцерогенами.

Но толкучка гудела только раз в неделю, и глотать заводской дым ее завсегдагам выпадало только по воскресеньям. А лагерные сидельцы годами жили под смертоносными трубами. Впрочем, в те годы про экологию никто не слыхивал и дымные султаны воспринимались как часть пейзажа. Об этих давних и по своему блаженных временах рассказывают старые эски, ибо срока в этой зоне огромные: у иных из-за замены "вышки" - по двадцать лет.

Юрию Чурбанову, человеку новой эпохи, должно быть, не чужды тревоги нового поколения, волнующегося по всякому случаю отравления природной среды. Его психологическое состояние вряд ли улучшается от ежедневного созерцания дымного шлейфа, накрывающего приютившее его заведение рядом с нижнетагильской барахолкой. На чеканном совдеповском языке эта обитель самосовершенствования именуется: учреждение УЩ 349/13.

Сейчас многие знают номер этого душеспасительного заведения. А тогда, когда тагильские отроки толпились вокруг гармонистов, расплевывая по сторонам шелуху от семечек, никто и не подозревал, что за высокими заборами в трехстах метрах от толкучки томятся бывшие слуги закона и важные чины государственного и партийного аппарата. В те времена невозможно было представить, чтобы в "Красной звезде" появилась статья об обитателях колонии в Нижнем Тагиле. А вот теперь (11.02.90) газета поведала, что в этом исправительно-трудовом учреждении исправляются помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Бровин и зять того же самого Генерального секретаря Чурбанов. В этом узилище собраны и многие из "подопечных" гдляновской бригады следователей. Надо полагать, будучи людьми по большей части образованными, они нередко предаются рассуждениям общепhilosophического плана: об изменчивости судеб, о непредсказуемости жизненных сюжетов. Ведь ют их собственный путь: кое-кто начинал с должности постового милиционера, дослужился до генеральских погон и вновь стал песчинкой в море человеческом - первый из сидельцев здешних меньше последнего из "вертухаев", торчащих на вышке с автоматом. Кто знает, быть может, один из этих охранников, взвизгивающих теперь с высоты на зону, поднимется к настоящей Высоте - к власти.

Взять того же Николая Иванова, правую руку Гдляна - ведь тоже начинал рядовым во внутренних войсках, а теперь - смотрите на него, низвергает министров, секретарей ЦК, самим членам Политбюро грозит. Так что можно, пожалуй, известную фразу о маршальском жезле так переиначить - применительно к правоохранительной системе: каждый вертухай носит в рюкзаке лычки прокурора. Философия, как известно, хорошая утешительница, и все-таки иной раз до слез обидно делается, когда представишь себе бездну дней с вечным забором, с колючкой и носителями прокурорских жезлов...

Наверное, нет сейчас в стране людей, кто с таким болезненным интересом следит за развитием скандала вокруг следственной группы Гдляна и Иванова, как многочисленные обитатели УЩ 349/13. Ибо никто другой как они не осведомлены в такой степени о всех перепетиях многолетнего следствия, начатого осенью 1983 года в Узбекистане.

А некоторые из тагильских "зэков" знают и больше, чем сами Гдлян и Иванов. Они ведают, откуда растут ноги у этого громкого дела. А потому надеются, что свобода еще улыбнется им...

ОСЕНЬ ОЛИГАРХИИ

Отсчет этого дела надо, по всей видимости, вести с лета 1979 года, когда произошла смена руководства МВД Узбекистана. 5 июля занимавший пост министра Хайдар Яхьяев был освобожден от должности по состоянию здоровья по его просьбе. Что впрочем, не помешало ему занять не менее хлопотное место первого заместителя председателя Комитета народного контроля. Не надо быть большим аналитиком, чтобы понять: министерское кресло освобождали для нужного человека. Им оказался Кудрат Эргашев. Однако не успел он отметить первую годовщину своего пребывания на высоком посту, как на него обрушились серьезные неприятности. В июле 1980 года в Ташкент прибыла бригада Прокуратуры СССР во главе со старшим помощником Генерального прокурора СССР А.В.Бутурлиным. Ее задачей было расследование грубых нарушений законности работниками МВД республики.

Деятельность группы Бутурлина вызвала нервозность не только у Эргашева. Партийное руководство также проявляло повышенный интерес к расследованию злоупотреблений Яхьяева и его ближайших сподвижников. Понятное дело, Прокуратура не касалась напрямую действий Эргашева, она дала ход только давним залгшениям граждан о произволе бывшего министра. Но копаясь в архивах министерства, допрашивая высших должностных лиц, следователи могли подобраться не только к прежним деяниям прежней команды...

Сам Рашидов проявлял интерес к работе бригады Бутурлина; товарищи из отдела административных органов ЦК Компартии Узбекистана предлагали всевозможную помощь, в том числе людьми, но каждый раз следовал вежливый отказ.

Когда 30 декабря 1980 года истек срок следствия, назначенного Прокуратурой СССР, Бутурлина пригласил к себе Рашидов. По словам автора "Литературной газеты", описавшего эту встречу, он заявил: "В республике действуют антигосударственные силы, нехорошие, скомпрометировавшие себя люди. Плохо будет, если московские товарищи пойдут у них на поводу".

А затем Бутурлину позвонил заместитель Генерального прокурора В.Найденов и сказал, что из ЦК Узбекистана обратились в Политбюро, после чего Генеральный прокурор Руденко распорядился отозвать бригаду.

Следствие было приостановлено, а собранные материалы о злоупотреблении властью чинов республиканского МВД до поры до времени осели в архиве Прокуратуры СССР.

После отъезда бригады Бутурлина первой заботой министра Эргашева сделалось попечение о сохранении социалистической собственности. Особым вниманием служб БХСС стала пользоваться сфера торговли Ташкента. И через некоторое время на столе у Эргашева появились компрометирующие материалы не на кого-нибудь, а на супругу самого председателя КГБ Узбекистана Мелкумова. Она занимала видное положение в одном из столичных торгов.

КГБ тоже не дремал. В июле 1981 года он возбудил уголовное дело против расхитителей государственного имущества, действовавших в системе местной промышленности Узбекистана (Розенгауз и еще одиннадцать человек). Нити от этой группы тянулись и к МВД. Эргашев нервничал, не зная, чем располагает против него Мелкумов.

Тем временем и в Москве происходили небывалые вещи - 26 декабря 1980 года пропал сотрудник КГБ. Официальная версия происшедшего стала не так давно достоянием прессы. Рассказавшая об этом деле Н.Геворкян ("Московские новости", 4 июня 1989 года) придала ему характер некой случайности. Подвыпивший офицер ехал будто бы в метро и был задержан милиционерами как нарушитель общественного благоприличия. В отделении милиции ему изрядно досталось, тогда он начал угрожать, размахивая своим удостоверением. После чего, испугавшись скандала, его прикончили и, вывезя за город, бросили в безлюдном месте.

Однако есть и другая трактовка событий. Следствие по этому делу велось лучшими силами КГБ. Имеются основания предполагать, что руководство тайного политического сыска придало этому преступлению особое значение из-за странного совпадения: исчезнувший был однофамильцем и, к тому же, имел одинаковое звание с личным шифровальщиком Андропова. Появилась версия: охотились за шифровальщиком, но вышла ошибка.

Возник ряд вопросов. Первый: кто мог сообщить звание и фамилию шифровальщика? Только один из самых высокопоставленных чинов КГБ, ибо личность такого рода служащих для большинства сотрудников является тайной.

Вопрос номер два: кто мог охотиться за шифровальщиком, а следовательно за проходящей через него информацией? Мало вероятно, чтобы западные спецслужбы пошли на это, ибо подобная операция была связана с ничем не оправданным риском.

Сразу после новогодних праздников 1982 года работниками КГБ был арестован артист Большого театра Борис Бурятца, известный в среде золотой молодежи под кличкой "Цыган". Помещенный в Лефортовскую тюрьму КГБ, Бурятца вскоре повесился. (В последнее время появились слухи о том, что Бурятца жив, что его будто бы видели в Москве. Похоже, рождается новый миф.) Что само по себе вызвало недоумение у бдительных стражей государственной безопасности - неведомым путем в камеру попала необходимая для повешения снасть. Кто-то помог Борису уйти из жизни до откровенной беседы со следователем.

А рассказать он мог многое. Ибо довольно долго пребывал в близких отношениях с дочерью Генерального секретаря ЦК КПСС, председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Леонида Ильича Брежнева (его иначе и не титуловали в то время), супругой 1-го заместителя министра внутренних дел Ю.Чурбанова. М.Восленский так изложил эту историю в своей книге "Номенклатура":

«У любовника дочери Брежнева - Галины - формально актера, а в действительности, связанного с прибыльными спекуляциями московского плейбоя Бориса Бурятца (сохраняю написание Вселенского - СП.) по прозвищу Цыган, был внезапно произведен обыск. Найдены были бриллианты, украденные незадолго до того у известной дрессировщицы Ирины Бугримовой. Бриллианты вообще вошли за последнее десятилетие в моду в кругах номенклатуры, в частности очень увлекалась ими сама Галина. Таким образом, создавалось впечатление, что дочь Брежнева косвенно находилась в какой-то связи с похищением бриллиантов.

Разумеется, при более придирчивом подходе возникал вопрос: зачем же было столь богатым и могущественным людям, как Галина и Борис, имевшим, несомненно, значительно большие драгоценности, чем ушедшая на пенсию укротительница львов, ввязываться в мерзкое дело из-за камней?

Подробности вряд ли станут известны: цветущий молодой плейбой, отвезенный после обыска в тюрьму, умер там той же ночью...

Политика, во всяком случае, присутствовала в этом деле. Контролируемые КГБ советские знакомые и персонал западных дипломатов и журналистов в Москве незамедлительно принялись рассказывать об этой истории, компрометировавшей семью Брежнева. По наблюдениям журналистов, даже русские передачи "Голоса Америки", которые в СССР обычно глушат, прослушивались без помех, когда передавались подробности этого скандала».

21 января 1982 года в "Правде" появился некролог, извещавший о том, что 19 января "после тяжелой, продолжительной болезни скончался советский государственный деятель, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда, первый заместитель председателя КГБ СССР генерал армии Семен Кузьмич Цвигун". Но по Москве сразу же пополз слух о самоубийстве.

Существует версия: старый сподвижник Леонида Ильича (еще со времен совместной работы в Молдавии) был на приеме у Генерального секретаря с докладом об обстоятельствах ареста Бориса Бурятца и его криминальных связях. В результате Генсек устроил Цвигуну разнос и заявил, что воспринимает все сказанное как покушение на честь и достоинство его семьи. Резюме разговора было весьма суровым: Семену Кузьмичу отказали в доверии. После такой беседы ничего не оставалось, как последовать примеру "Цыгана".

Но можно и усомниться в справедливости такого объяснения причин смерти Цвигуна, - если поставить вопрос о возможности его тесных отношений с еще одним старым соратником по молдавским временам - Николаем Анисимовичем Щелоковым. Последний занимал в годы их совместной с Брежневым работы в Молдавии пост первого заместителя председателя Совета министров республики, так что Цвигун был его подчиненным. К московским высотам все трое подбирались с разных сторон, но назначение Щелокова и Цвигуна на ключевые посты в карательных органах именно после воцарения Брежнева в Кремле, конечно, не было случайным совпадением. Так что особые отношения Семена Кузьмича с Леонидом Ильичем вполне могли дополняться столь же доверительными контактами с Николаем Анисимовичем.

Не стала ли причиной смерти Цвигуна другая беседа - с его прямым шефом Андроповым? Почему бы не предположить, что Юрий Владимирович выложил Семену Кузьмичу свои подозрения о причастности его к смерти Цыгана и утечке информации о псевдошифровальщике, убитом чинами МВД?

Теперь самое время сказать о причинах столкновений между карательными ведомствами в далеком Узбекистане и их отголосках в Москве.

Николай Анисимович Щелоков считался сильным человеком в московских коридорах власти. Не раз распространялись слухи о его выдвижении на должность секретаря ЦК КПСС, своим потенциальным шефом видапи его в отделе

административных органов ЦК. Если бы такое назначение состоялось, Щелоков неизбежно сделался бы куратором всех карательных органов, в том числе и КГБ. Подобное развитие событий было бы катастрофой для Андропова, люто ненавидевшего фаворита Генсека.

Щелоков, разумеется, в долгу не оставался. Его неприязнь к сопернику подогревалась и извечным антагонизмом между двумя ведомствами. Кагэбэшники всегда считались белой костью, своего рода аристократами, ибо за ними числились подвиги на незримом фронте. Но эмвэдэшники-то прекрасно понимали, что за разведку КГБ держится, главным образом, для камуфляжа своей истинной сути. То, что составляло главное содержание деятельности Комитета - снежку за согражданами - никогда не афишировали, зато постоянно били в литавры о победах супершпионов и контрразведчиков. МВД всегда вкалывало, борясь с преступниками, а КГБ бездельничало, но создавало видимость кипучей деятельности, фабрикуя дела на сограждан. За это сыщики всегда втайне презирали «аристократов». А в годы правления Брежнева, когда бессменным (с 1967 года) шефом КГБ был Андропов, фальсификаторство и репрессии против инакомыслия достигли небывалого со сталинских времен размаха. За перепечатку невинной повестушки Булгакова человека могли схватить и засадить на семь лет в дальние лагеря. Сотни людей отправлялись в ссылку только за выражение собственного мнения. Психотюрьмы, устроенные КГБ, были забиты "пациентами", которых нелегко - просто не за что! - оказывалось упечь в тюрьму.

Если во времена Ленина и Сталина палачество находило какое-то оправдание в исторической целесообразности репрессий, а сами палачи отчасти верили в необходимость своего "труда", то в брежневскую эпоху все прекрасно понимали дутый характер выдвигавшихся обвинений, разумели, что продлевают дни прогнившего, аморального по своей природе строя.

Те, кто днем и ночью при любой погоде мотался по проселочным дорогам, нередко рискуя напороться на нож или получить пулю уголовного, кто постоянно имел дело с бандитами, шпаной, жульем или просто пьяными дебоширами - из них никто не ел свой хлеб даром. Можно представить себе их отношение к тем, кто разъезжал в черных спецлимузинах с рациями по гладкому асфальту, кто работал "от и до", да и в это время не перетруждал себя, кто никому не облегчал жизнь, никого не закрывал грудью, но кто очень многим испортил анкету, сломал судьбу, сделал изгоями...

Щелоков и небольшой круг его приближенных были жуирами, щедрыми на разные барские затеи, но подавляющее большинство работяг из Министерства внутренних дел никакого отношения не имели ни к злоупотреблениям своего патрона, ни к тому, что происходило в кавказских и азиатских республиках. Коррупция, махровым цветом распустившаяся в этих краях при Хрущеве и Брежневе, была ничем иным как возвращением к привычным азиатским обычаям: власть рассматривала подданных как стадо баранов, которых необходимо регулярно стричь. Прилипчивые азиаты лезли в душу к каждому высокопоставленному московскому визитеру и нередко добивались успеха - то, что еще недавно, в суровую эпоху Отца Народов, именовалось взяткой, стало называться сувениром, роскошные пиры, задававшиеся для начальства, подавались как выражение обычного восточного гостеприимства. На Востоке знают толк в общении с вышестоящими, умеют льстить и улещать. Неискушенное русское начальство легко позабыло пословицу: коготок увяз - всей птичке пропасть. Постепенно пиры и сувениры стали принимать как должное, "восточные обычаи" и в российских землях прижились.

Если иные из больших чинов московских ведомств куражились только во время выездов к азиатским друзьям, то Щелоков и его первый зам Чурбанов, зять Генсека, не особенно стеснялись вести светскую жизнь и в Москве. По столице то и дело ползли слухи о похождениях Игоря Щелокова, сына Николая Анисимовича, о новых «мерседесах» жены министра, о чурбановских попойках. Особенно тесными были контакты высших чинов МВД с Узбекистаном. Отсюда, пожалуй, и надо начинать распутывать узел вопросов, возникающих в связи с войной карательных ведомств, развернувшейся в хлопковой республике.

Как день ясно, что бутурлинская бригада следователей нагрянула в Ташкент не случайно. Именно в тот момент, когда пошли слухи о готовящемся назначении Щелокова секретарем ЦК, всякий скандал в органах МВД был бы весьма кстати - для Андропова.

То, что руководство Прокуратуры СССР, откуда якобы исходила идея проверки старых грехов экс-министра Яхьяева, тесно связано с КГБ - не требует особых исследований. По традиции эти контакты были гораздо прочнее, чем контакты Прокуратуры и МВД. С давних времен сложилось так (и это нашло отражение в уголовно-процессуальном кодексе), что вся обычная уголовщина расследовалась органами МВД и передавалась судам, а государственные преступления - то, на чем специализировался КГБ - расследовались Прокуратурой. Комитет возбуждал дело,

проводил следственные действия на начальном этапе по закреплению доказательств, а затем передавал Прокуратуре.

Щелоков неоднократно пытался изменить сложившееся положение. Он требовал ликвидировать институт следствия в Прокуратуре Союза, обосновывая это тем, что эта организация должна сосредоточить свое внимание на надзоре за соблюдением законности. В конце 70-х годов благодаря его стараниям была организована высокая комиссия, в которую вошли члены Политбюро Мазуров и Устинов, но, к досаде Щелокова, в ее состав включили и Андропова. Вероятно, под давлением последнего вывод комиссии оказался неутешительным для министра внутренних дел: следствие необходимо оставить в составе Прокуратуры. Единственное, что удалось добиться Щелокову, это сокращение следственного аппарата прокуратуры с 9 тысяч до 6,5 и передача органам МВД расследования дел о правонарушениях несовершеннолетних. Ясно, что не из-за этого затевалась долго вынашивавшаяся операция.

Заместитель Генерального прокурора В.Найденов, опекавший группу Бутурлина, пришел в Прокуратуру СССР из отдела административных органов ЦК КПСС, где несколько лет проработал инструктором. Этот отдел всегда тесно контактировал с КГБ, следовательно, можно предположить, что у Найденкова могли сложиться доверительные отношения с руководством Комитета. (В публикациях советской печати утверждалось, что снятие Яхьяева было результатом происков некой кашкадарьинской мафии, выдвинувшей на этот пост своего человека - Эргашева. Но если принять версию тех же журналистов, утверждавших, что Узбекистан был кормушкой Щелокова, то отстранение Яхьяева можно истолковать куда правдоподобнее: до своего назначения на этот пост в 1964 году Яхьяев 15 лет прослужил в КГБ, а те, кто переходят в иное ведомство, никогда не порывают связь с родной "конторой". В интересах Щелокова было заменить старого кагэбиста новым человеком / Эргашев-то как раз был обижен на "органы", ибо ему не дали ходу в этой системе, несмотря на то, что он кончил спецшколу КГБ /. Вряд ли провинциальная мафия могла сравниться по своему влиянию на Рашидова с таким боссом как Щелоков...) Этот умный и образованный человек представлял немалую опасность для Щелокова, и как только у заместителя Генерального прокурора возникли сложности из-за столкновения с 1-м секретарем Краснодарского обкома С.Медуновым на заседании Секретариата ЦК, министр внутренних дел предложил Найденкову перейти к нему на работу. В конце ноября 1981 г. этот переход состоялся, и Щелоков мог торжествовать маленькую победу: в партии с Андроповым он выиграл важную фигуру.

Однако вернемся в январь 1982 года. Ибо самоубийство Цвигуна стало своеобразным рубежом, обозначившим начало явного кризиса брежневского режима, оно определило остроту развернувшейся вскоре после этого борьбы за власть в Кремле...

25 января произошло событие, затмившее по своей значимости все прочие. Умер патриарх Политбюро ЦК КПСС М.А.Суслов. Михаил Андреевич долгие годы держал в своих руках все нити политики, он курировал высшие кадры партии и КГБ. Место второго человека в кремлевской иерархии стало вакантным. Тот, кому оно достанется, скорее всего будет претендовать и на место Генсека, в случае всемирно ожидаемых перемен.

Раздумья на этот счет продолжались необычно долго. Только четыре месяца спустя решение о передаче трона почившего обер-идеолога было объявлено стране и миру: Пленум ЦК КПСС избрал на эту должность Ю.В.Андропова.

Что представляло собой это назначение? Признание Андропова официальным преемником? Два обстоятельства заставляют усомниться в этом. Первое - долгий период раздумий после смерти Суслова, и второе - более знаменательное, - то, что на освободившееся место шефа КГБ был назначен не тот человек, которого рекомендовал сам Андропов. Обычно, когда кто-то уходит "под фанфары", он сам и подбирает себе замену. То, что Виталий Федорчук не был ставленником прежнего Председателя КГБ, доказывается очень просто: едва полгода спустя Андропов сделался Генсеком, он сразу же сместил своего преемника и поставил на его место Виктора Чебрикова, которого знал пятнадцать лет по совместной работе.

Назначение Андропова на более высокую должность могло быть благовидным предлогом для перемещения его с поста шефа КГБ. Там он стал опасен, обладая сведениями, иногда не слишком благоприятными для самого высокого руководства. Есть основание полагать, что именно Андропов санкционировал утечку информации о Цыгане, "повесившимся" в Лефортовской тюрьме - уже через несколько дней все газеты Запада наперебой расписывали скандал в благородном семействе, всю смакуя и похождения Галины Брежневой, и щелоковского отпрыска, и Чурбанова. Ясно, что организованная утечка информации была своего рода способом самозащиты. После всего, что произошло, отстранение Андропова с поста председателя КГБ становилось не очень удобным. А вот «повышение» с

одновременным отрывом его от контроля над мощнейшим орудием власти было куда более благовидным. Для того, может быть, и держали вакантным суловское кресло целых четыре месяца, чтобы новое назначение Андропова не было хронологически связано с январским скандалом.

Если бы Брежнев прожил подольше, судьба главного противника Щелокова могла сложиться иначе - через год-полтора его без шума переместили бы на какую-либо почетную, но ничего не значащую должность вроде председателя ВЦСПС, а затем еще тише отправили на заслуженный отдых.

Главная цель брежневского окружения на этот раз была достигнута: опасный противник отрезан от сети агентов и осведомителей, а на его место сел близкий друг Щербицкого, верного оруженосца Леонида Ильича еще с днепропетровских времен. Федорчук, хотя и был членом коллегии КГБ, в андроповскую команду не входил - он долгие годы прослужил шефом украинской госбезопасности.

Тяжелую руку нового председателя кагэбисты почувствовали сразу - из его канцелярии полетели приказ за приказом, призванные пересмотреть заведенные Андроповым порядки. Он начал копать даже под разведку - святая святых ведомства - требуя усиления финансовой дисциплины. Было ясно, что началась обычная рекогносцировка, психологическая подготовка перед очередной кадровой перетасовкой.

Андропов тем временем почти не подавал признаков жизни на новом поприще. За все пять с половиной месяцев своего пребывания на идеологическом троне он, как будто, не старался продемонстрировать кипучую деятельность. Хотя по логике потенциальный наследник именно в первое время должен как можно чаще и громче заявлять о себе. Ни разу за все это время он не появился и на переговорах с иностранными делегациями, в том числе из стран советского блока или просоветской ориентации - в таких случаях верховный идеолог обязательно входил в состав делегации СССР.

Нельзя сказать, что вчерашний шеф КГБ совсем не успел проявить себя на новом посту. Единственный документ, вышедший из-под пера команды нового секретаря ЦК - Постановление ЦК "О творческих связях литературно-художественных журналов с практикой коммунистического строительства*". Это творение ознаменовало резкое усиление цензурного гнёта: всякая свободная мысль одевалась в намордник, и в то же время воспрямили "классовые борцы" от литературы. Со страниц "Правды", "Литературной газеты" и других органов, особо близких к ЦК неслись грозные окрики и кличи: усилить марксистскую оснащенность литературоведения и критики, изгнать внеклассовый подход, прекратить заигрывать с боженькой, развернуть атеистическую пропаганду!

У автора этих строк было набрано в "Литературной газете" обозрение ряда литературных журналов. Накануне подписания номера в печать было опубликовано свирепое андроповское постановление, и набор рассыпали. Хотя ничего особо крамольного там не было. Но не было и классового подхода...

В истории восхождения Андропова к вершине власти много загадочного. Поэтому и приходится, не довольствуясь одной версией, многожды произнесенной со страниц официальной прессы, приводить и иные мнения, что-то домысливать, реконструировать по отрывочным сведениям. Таков удел любого, кто возьмется писать о недавней истории, а тем более о современных событиях внутри советской правящей элиты. Перекрывая источники информации о происходящем наверху, дозировщики гласности вынуждают нас подвергать сомнению любую версию, исходящую от официоза.

Позиция автора этой книги базируется на убеждении: каждая трактовка событий должна быть подвергнута критическому анализу. Если приверженцы той или иной концепции настаивают на случайном характере тех или иных событий, стараются представить их последовательность вне определенной закономерности, следует относиться к их аргументам с особой осмотрительностью. Это касается в равной степени и тех, кто, на первый взгляд, противостоит господствующей точке зрения.

ХРОНИКА. I

1982 год

март, 24, Ташкент. Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л.И.Брежнев вручил Узбекской ССР орден Ленина за рекордные сборы хлопка: более 6 миллионов тонн.

Май, 24, Москва. Пленум ЦК КПСС избрал Ю.В.Андропова секретарем ЦК КПСС.

26, Москва. Указом Президиума Верховного Совета СССР Ю.В.Андропов освобожден от обязанностей председателя КГБ СССР. На эту должность назначен В.В.Федорчук.

Ноябрь, 11, Москва. Скончался Л.И.Брежнев.

12, Москва. Пленум ЦК КПСС избрал Ю.В.Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС.

Декабрь, 17, Москва. Президиум Верховного Совета СССР освободил Н.А.Щелокова от обязанностей Министра внутренних дел СССР в связи с переходом на другую работу.

Президиум Верховного Совета СССР назначил В.В.Федорчука Министром внутренних дел СССР, освободив его от обязанностей председателя КГБ СССР.

Президиум Верховного Совета СССР назначил В.М.Чебрикова председателем КГБ СССР.

НОВЫЙ ПОРЯДОК

Сразу же после восшествия на кремлевский престол нового владыки рать "классовых борцов" разыгралась не на шутку. Поюдом для этого послужила статья критика М.Лобанова "Освобождение", опубликованная в октябрьском номере провинциального журнала "Волга". В этой небольшой работе были подвергнуты сомнению некоторые мифы официозной идеологии - коллективизация, индустриализация, - а также указано на главное преступление коммунистического режима: организованный голод, унесший жизни миллионов крестьян.

Все газеты и еженедельники наполнились доносными опусами лейб-марксистов. Воспрянувшие инквизиторы наставляли: "Переосмысливать прошлое, извлекать его социальные и нравственные уроки необходимо, но перекраивать на свой вкус и лад задним числом - затея зряшная и праздная, отдающая историческим волонтаризмом. И одновременно - ребяческим инфантилизмом,- годным для эпатирующей самощекотки. Можно сколько угодно называть "контуженным" время, относящееся к концу 20-х - началу 30-х годов, ерничать над его "небывалой новизной", но перепаханное "лемехами социального эксперимента" - под таким прозрачным псевдонимом выступает у М.Лобанова коллективизация, - оно уже не повернет вспять" (В.Оскоцкий в "Литературной газете"). «Коммунистической мерой проверяется степень гуманистичности деяний и страстей современников, их потребности и желания, проверяются и реальные обстоятельства жизни: что в них способствует, а что мешает людям обретать правильные, как говорят социологи, ценностные ориентации» (Ю.Суровцев в "Правде").

Это сейчас мы знаем, что то была лебединая песнь "классовых борцов". Тогда же всем виделось наступление нового коммунистического средневековья, опасались повторения 20-30-х годов, когда напостовцы, левовцы, рапповцы и литературная полиция новоучрежденного Союза писателей травили интеллигенцию, готовили материалы для обвинительных заключений ОГПУ-НКВД.

"Правда" образца 1983 года становилась все больше похожа на инструктивный орган довоенных времен, когда любое его выступление расценивалось как сигнал к расправе. Некий Н.Тарасенко, кандидат философских (!) наук, сетовал в одном из майских номеров "Правды" (1983 г.): "В некоторых изданиях просматривается тенденция приукрасить, преувеличить роль церкви в истории и культурном развитии различных стран и народов. Пример тому - книга "Древнерусские предания" (издательство "Советская Россия", 1982 г.). Не вдаваясь в вопрос, так ли уж было нужно выпускать массовым тиражом жития православных святых, обратимся к предисловию, написанному для этого издания В.Кусковым. Игнорируя научную объективность в оценке фактов истории, автор явно переоценивает роль православных монастырей в распространении культуры, умиляется созданием идеала русского инока-подвижника, "посвятившего себя служению богу, то есть нравственному совершенствованию, освобождению от низменных, порочных страстей, служению великой идее гражданского долга, добра, справедливости,

общественного блага". Служение богу, таким образом, отождествляется ни больше ни меньше, как со служением общественному благу.

Однозначность оценок проявляется в неумном восхищении автора предисловия православными святыми, которые в его интерпретации изображаются в качестве носителей "высоких нравственных идеалов"...

Читатели вправе спросить: а где же был редактор? Как можно объяснить, что суждения, явно идущие в русле церковной традиции, выходят в свет массовым тиражом?..

Такие публикации дают читателям ложные ориентиры, мешают выработке у них сознательного отношения к религии. Совершенно очевидно, что подобным изданиям требуется создать надежный заслон".

А уже через два месяца орган ЦК устами того же Тарасенко грозно вещал: "Коллегия Госкомиздата подтверждает, что в статье правильно говорится о характерной для книги "Древнерусские предания" тенденции приукрасить, преувеличить роль церкви в культурном развитии различных стран и народов. Между тем в ответе кафедры истории русской литературы филологического факультета МГУ, хотя и признается справедливой в целом критика предисловия к этой книге, все же не дается четкая оценка неправильной позиции его автора в освещении жития святых. Вызывает недоумение, в частности, заявление о том, что "книга подготовлена для издательства "Советская Россия" на договорных началах и не является плановой работой кафедры". А разве это снимает ответственность с коллектива, где трудится ученый? Хранит молчание издательство "Советская Россия", которому еще до статьи в "Правде" неоднократно указывалось на упущения и ошибки в освещении проблем научного атеизма".

Но тревоги интеллигенции, ожидавшей новых гонений, не находили отклика в массах. Средний человек, наоборот был в радостном предвкушении того, что новая власть начнет "наводить порядок". Андропов импонировал многим тем, что пришел из ведомства, которое "все знает", и посему заставит разболтавшийся при Брежневле народишко работать как следует.

Тут мы имеем дело с своеобразным парадоксом, в котором есть внутренняя логика. Видя глубокий разрыв между словом и делом партийной верхушки, догадываясь о коррупции власть имущих, обычные люди жаждут "порядка", в котором для них воплощается идея справедливости. Но они, увы, не задумываются о том, какую цену за этот "порядок" придется платить им лично.

Когда начались облавы в гастрономах, кинотеатрах и банях с целью выявления прогульчиков, эти меры воспринимались как проявление государственной мудрости. А дополненные выпуском нового сорта водки, который был на тридцать копеек дешевле прочих, эти действия вызвали у большинства подлинное сочувствие.

Андропов принялся даже теоретизировать на волне достигнутых "успехов": "У нас часто используется формула «повышение уровня жизни». Но ее порой трактуют упрощенно, имея в виду лишь рост доходов населения и производство предметов потребления. В действительности понятие уровня жизни гораздо шире и богаче. Тут и постоянный рост сознательности и культуры людей, включая культуру быта, поведения, и то, что я бы назвал культурой разумного потребления. Тут и образцовый общественный порядок, и здоровое, рациональное питание, тут и высокое качество обслуживания населения (с чем у нас, как известно, еще далеко не все благополучно). Тут и полноценное с нравственно-эстетической точки зрения использование свободного времени. Словом, все то, что в совокупности достойно именоваться социалистической цивилизованностью". Это рассуждение из речи генсека на июньском Пленуме ЦК КПСС 1983 года моментально подхватили и принялись развивать партийные мыслители. Но культура и образование, несмотря на декларации, так и остались в загоне.

Задачи творческого углубления марксизма не заслоняли от нового лидера КПСС повседневных забот. Одной из первых было начинить ведомство низвергнутого Щелокова своими людьми. "На укрепление" в аппарат МВД были направлены полтора десятка высокопоставленных сотрудников КГБ, которые заняли ключевые посты. В.Лежепекоев перебрался из кресла зампреда КГБ в кабинет заместителя министра внутренних дел по кадрам. Около сотни чинов Комитета стали начальниками областных и городских Управлений внутренних дел. Этот кадровый десант привел к тому, что вся документация МВД сделалась добычей КГБ. Весь компромат, собиравшийся Щелоковым на потенциальных противников, теперь оказался в распоряжении Андропова.

Уже сама по себе эта поспешная операция свидетельствовала о значении, придававшемся новым обер-коммунистом карательным органам. Власть его не могла быть прочной, пока где-то хранились взрывоопасные документы, пока существовали влиятельные структуры, не подотчетные генсеку.

Какой бы взрывной мощью не обладали досье, собиравшиеся людьми Андропова за пятнадцать лет его пребывания у руля КГБ, он начинал свое царствование с меньшими полномочиями, чем те, которыми располагал покойный Брежнев. Первым сигналом о своеобразном ограничении прав нового красного самодержца была публикация регулярных сообщений в средствах массовой информации "В Политбюро ЦК КПСС". Они появились сразу после смерти Брежнева и означали, что теперь верховной властью располагает не один человек, а коллегиальный орган. Такое повторялось уже в четвертый раз при советском режиме. После того, как последовательно уходили с политической сцены Ленин, Сталин и Хрущев, каждый раз устанавливалось коллегиальное правление, и проходило в среднем пять лет, пока власть концентрировалась в руках одного лица.

Еженедельные извещения о неполновластии Андропова, помещавшиеся на первых полосах газет, вряд ли вдохновляли пожилого генсека (ему шел уже 69-й год), он не хотел проходить по тем же спиралям, по которым совершали свой путь к единодержавию его предшественники. У них было время ждать, он же спешил...

Ровно через месяц после смерти Брежнева в сообщении о заседании Политбюро было пространно рассказано о письмах трудящихся, поступивших в ЦК и Президиум Верховного Совета. Помимо того, что в них "выражалась единодушная поддержка" и "глубокая заинтересованность", письма еще и свидетельствовали о "нерушимом единстве партии и народа". Но изюминка сообщения была, естественно, не в этом. С помощью неведомых трудящихся Андропов прозрачно намекал на свои ближайшие планы:

"Во многих письмах приводятся факты, показывающие, что в ряде мест еще не ведется должной борьбы против лиц, допускающих бесхозяйственность, очковтирательство, приписки, неэкономное расходование материальных ресурсов, расточительство. Поступают также сигналы о необходимости усилить борьбу с нарушителями общественного порядка, хищениями социалистической собственности..."

Обращено внимание Прокуратуры СССР и МВД СССР на необходимость принятия мер по усилению охраны правопорядка в городах и сельских населенных пунктах, имея в виду, что эти вопросы особенно остро поднимаются в письмах трудящихся и серьезно волнуют их".

Через неделю Щелоков лишился своего портфеля. А во всех низовых подразделениях

МВД и прокуратуры приняли к исполнению распоряжение о том, что по анонимным письмам можно начинать предварительные расследования, заводить дела на подозрительных элементов. То, что всегда практиковалось тайной политической полицией, становилось нормой всего государственного аппарата. Письма неведомых трудящихся, которые могли, кстати, рождаться и в соответствующих инстанциях, открывали возможность для проведения энергичной кадровой политики.

Разумеется, Генсек не раскрывал своих дальних замыслов. Для него на первом этапе главным было добиться согласия на легализацию доноительства.

Первые успехи по искоренению щелоковских кадров подвигли В.Федорчука на статью, опубликованную "Правдой" 10 августа 1983 года. В ней, опять-таки ссылаясь на письма неких трудящихся, требовавших искоренения всяческого зла и неправды, новый министр обозначил главные направления работы: "опираясь на поддержку трудящихся, милиция наращивает усилия в предотвращении хищений с тем, чтобы, как указывалось на июньском Пленуме ЦК КПСС, "полностью покончить с таким явлением, как случаи использования государственного, общественного имущества и служебного положения в целях личного обогащения". В то же время автор сетовал: "Эффективность профилактики правонарушений остается пока еще невысокой, слабо ведется борьба с посягательствами на социалистическую собственность, спекуляцией, взяточничеством". Опытные читатели "Правды" уразумели: эта позиция неспроста вынесена в заключительный пассаж статьи.

ХРОНИКА. II

1983.	Февраль, 19	Самоубийство Светланы Щелоковой, жены экс-министра внутренних дел.
	Апрель, 27	Сотрудниками КГБ арестован начальник ОБХСС Бухарского УВД А.Музаффаров (задержан с поличным за получение взятки).
	Май, 3	Арестованы Ш.Кудратов, директор Бухарского горпромторга и другие, всего 7 чел.

- Июнь КГБ Узбекистана возбудил уголовное дело в отношении директора Ташкентской автозаправочной станции Закирияева. По этому делу арестован начальник отдела ГАИ УВД Ташкентского обисполкома Мадаминов. В ходе следствия вскрыты факты получения взяток министром внутренних дел Узбекистана К.Эргашевым.
- Август, 15 КГБ передал дело Закирияева в Прокуратуру Узбекистана. 18 КГБ передал уголовное дело Музаффарова в Прокуратуру СССР.
- Сентябрь Образована Комиссия ЦК КПСС по расследованию злоупотреблений руководства Узбекистана. Прокуратура СССР назначила следственную бригаду для расследования дела Музаффарова во главе со старшим следователем по особо важным делам Т.Гдляном.
- Октябрь, 31 1-й секретарь Компартии Узбекистана Ш.Рашидов скоропостижно скончался во время поездки в г.Нукус.
- 1984 год. Январь
- 24 А.В.Бутурлин назначен Прокурором Узбекистана. Управлением КГБ по Москве и Московской области задержаны с поличным директор Учтепинского хлопоочистительного заода Муминов и товаровед Дусликского хлопкового заода Халматов при попытке дать взятку 40 тысяч рублей одному из руководителей Серпуховского хлопчатобумажного комбината "Красный текстильщик". Следствие вышло на министра хлопоочистительной промышленности Узбекистана Усманова и бывшего председателя Совета Министров республики (1971-1984) Н.Худайбердыева. Всего привлечено более 30 человек.
- Февраль, 9 Смерть Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Верховного Совета СССР Ю.Андропова
- 13 Пленум ЦК КПСС избрал Генеральным секретарем ЦК КПСС К.У.Черненко.
- Июль В.Найденов перешел из МВД на должность заместителя Генерального прокурора СССР.
- 7 Самоубийство свидетеля М.Мирзабаева в помещении Бухарского управления КГБ, где размещалась следственная группа Гдляна.
- Август, 11 Арестован заместитель министра мелиорации Узбекистана А.Каримов. Этапирован в следственный изолятор КГБ СССР.
- 13 УВД Наманганской области возбудило уголовное дело на генерального директора Папского РАПО А.Адылова. При проведении расследования использованы материалы, предоставленные КГБ Узбекистана.
- 15 Самоубийство Министра внутренних дел Узбекистана К.Эргашева.
- Ноябрь Сотрудники КГБ с участием следователей Прокуратуры СССР изъяли в Китабском районе Кашкадарьинской области Узбекистана принадлежавшие А.Каримову ценности - почти центнер золота стоимостью 4 309 550 рублей.
- 6 Президиум Верховного Совета СССР лишил Н.Щелокова воинского звания генерала армии и государственных наград.
- Декабрь, 13 Н.Щелоков покончил с собой.

РЫБАЛКА В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ. I

Об Узбекистане за последние годы привелось прочесть много занятного. «Литературная газета» рассказала об ужасающих зинданах (земляных тюрьмах) А.Адылова, директора районного агропрома из Ферганской долины. К тому же, он воздвигал, по свидетельству журналиста, бессмысленные мемориалы, достойные тщеславных фараонов. Я читал и вместе со всеми содрогался от отвращения и негодования. Но вскорости после публикации в газете появился телефильм о том же самом Адылове, были показаны его монументы и подземелья. И вновь пришел мой черед поражаться и негодовать: все, что я увидел, оказалось весьма убогим и даже смехотворным. Вместо пещер Али-Бабы нам представили ряд кладовок мелкого кишлачного самодура. Воистину, лучше раз увидеть, нежели сто раз услышать. Тогда подумалось: может, мы истосковались от того, что все у нас какое-то неказистое в сравнении с Западом. И даже преступность невнушительная. Там - мафия, наркотики, ограбления банков, арсеналы новейшего оружия, частные армии и личные лайнеры. А у нас - поножовщина по пьянке, слямзил плохо лежавшее десятирублевое сокровище, залез в ларек, унес в грелке литр спирта с завода. Тьфу, что за напасть: почему даже в преступлениях мы какие-то недоделанные, без размаха и воображения? Не из-за этой ли тоски преобразились под перьями борзописцев сараи сельского дуrolома в чертоги Шехерезады? Я задавал себе этот вопрос, вспоминая свои поездки в Узбекистан, и терялся: толи я, Аким-простота, не приметил сказочных дворцов, то ли пишут о них те, кто в детстве хлеба досыта не едал и видит в казане Жирного плова и блюде спелых гранатов царские яства?

Я дважды бывал в Узбекистане на рубеже 1970 - 80-х годов. Оба раза меня возили как раз по тем местам, где владычествовал Адылов, где позднее произошли кровавые конфликты между узбеками и турками-месхетинцами, между узбеками и киргизами. Признаюсь, что ни разу не присутствовал при вручении взяток или на переговорах о продаже должностей.

И все же - о виденном собственными глазами. Быть может, обстановка, обычаи, житейские детали могут сказать о возможности того, что стало притчей во языцех, больше, чем строки протоколов или обличительные статьи.

В один из майских дней 1980 года, когда мои друзья-писатели затащили меня «отдохнуть» к местному директору музыкальной школы, я взмолился:

- Послушайте, да ведь можно лопнуть от такого гостеприимства. У вас все настолько вкусно готовят, а если учесть, что в день приходится идти в гости к нескольким хозяевам...

Меня ласково прервали:

- Э, ничего, постепенно привыкнете. У нас очень любят гостей.

Что верно, то верно. Уважительной причиной для того, чтобы отпустить с работы, служит заявление: "У меня сегодня гости". Даже продавец магазина, закрывая его на огромный замок, вполне умиротворит пришедших за покупками селян таким объяснением. Гости - это святое, можно даже сказать, что основная жизненная цель узбека - быть всегда готовым принять гостей "на высшем уровне". Ради возможных визитеров в нишах дома громоздятся стопки курпачей - стеженок одеял, на которых восседают за дастарханом -скатертью, покрывающей пиршественный стол. Ради гостей высятся штабеля атласных и бархатных подушек, которые при случае вам подсунут под бок за трапезой. Ради посетителей возможного *тоя* (праздничного пира) в сундуках и шкафчиках покоятся составленные дюжинами сотни пиал и десятки чайников.

Да и заработки многочисленной узбекской семьи уходят на эти самые той. По случаю обрезания сына, его свадьбы, по случаю смерти кого-то из семьи... Если вас десять-пятнадцать душ, то поводов к тому, чтобы созвать на свой двор 300-500-800 и -более человек выпадает по несколько раз в год. Раньше, говорят, этого не было, мода на пиры утвердилась тогда, когда в кишлаках появились деньги - работая на хлопке, семья может за сезон получить денег на автомобиль. Что не означает, однако, будто на всяком дворе есть машина - в жерло тоев уходит все. Наверное, в этой жажде не ударить лицом в грязь перед соседями, в невероятном, часто из последних сил, стремлении доказать, что ты не хуже, проявляется гипертрофия чувства собственного достоинства, привитого нам советской действительностью. "Кто был ничем..." Не в этом ли, вбитом нам в голову со школьных лет желании самоутвердиться - источник хамства, хулиганства, всяческого чванства? Я, конечно, не приравниваю все эти малосимпатичные черты. Скажем, чванство сельского жителя, несколько раз сумевшего усадить за пиршественными столами всю округу, отнюдь не равнозначно таким способам самоутверждения, какие демонстрирует хамло, прущее напролом через толпу женщин, изнемогших от стояния в очереди. И все же - от одного корешка сии полярно противоположные образы поведения.

О тоях, как проявлении чувства собственного достоинства, я говорю не потому, что к слову пришлось. На мой взгляд, где есть потребность таким образом

утверждать себя, имеются могущественные силы, на это самое достоинство покушающиеся.

Впрочем, на Западе "средний человек" тоже испытывает комплекс неполноценности, вечно соревнуясь с соседями по количеству спален или автомобилей в семье. Но там благосостояние воспринимается либо как результат упорного труда, либо везения.

На Востоке же у личности существенно меньше возможностей для самоутверждения, ибо здесь человек всегда был в подчинении общине, а сама община являлась как бы единым ликом, обращенным к Власти. Вот эта подчиненность мирскому началу и вырабатывала в каждом потребность хотя бы несколько раз в жизни почувствовать себя осью этого аленького мирка, выделиться из него. Да что в дебри восточной психологии углубляться, в любом из нас сидит это начало: не оттого ли любим свои дни рождения и юбилеи, что они дают нам законное основание "порадоваться" перед близкими?..

Но вернусь на десять лет назад, в тот день, когда, изможденный гостеприимством, я взмолился о пощаде. Однако мои друзья истолковали эту мольбу по-своему. Сочувственно подавшись ко мне и скорбно глядя в лицо, как обычно смотрят на больного, спросили:

- Может быть, хочется чего-нибудь покушать не такого, что делают у нас в кишлаке?..

Я едва не расхохотался. Если я и смахивал на больного, то диагноз явно не отличался пронизательностью. Однако озабоченные моим состоянием люди поняли мою улыбку, как вымученную мину вежливого человека. Надо сказать, почти все в Узбекистане - из тех, с кем имел дело я, - убеждены, что всякую хворь телесную, любой недуг душевный можно исцелить добрым куском свежей баранины. Мне, во всяком случае, рекомендовали ее при малейшем чихе, при болях в животе, при радикулите и особенно горячо при меланхолии, посетившей меня после очередного возлияния из нагретых солнцем пиал, наполненных тепленькой водкой.

Я продолжал настаивать на то, что все прекрасно, речь-де только о количествах. И все же искусные полемисты (во всем, что касается еды) каким-то образом сумели исторгнуть из меня признание - в косвенной форме - что может быть лучше свежей баранины. Прозвучало мое признание в виде вопроса:

- А почему все у вас готовится из мяса или жира? Ведь поблизости столько воды - Ферганский канал. Наверняка там водится рыба. Или узбеки ее не любят?

Я вспомнил в тот момент, как однажды пригласил в ресторан "Пекин" знакомого узбекского писателя и тот с подозрением зондировал каждое блюдо вилкой и каждый раз испуганно-протестующе вопрошал: "В воде живет? Я таких не кушаю".

Но моя оговорка вызвала небывалый энтузиазм:

- Как это не любим? У нас рыба - символ чистоты. Завтра же едем на рыбалку!

И они принялись с таким жаром обсуждать неожиданно возникшую в наших планах потеху, что я в очередной раз устыдился, что создаю дополнительные хлопоты для хозяев.

На следующее утро после легкого завтрака - легкого лишь по понятиям местного гостевания - мы направились к автомобилю, до блеска вымытому многочисленной семьей хозяина. Но в последний момент путь нам преградила его супруга. С выражением полнейшего равнодушия она надорвала на наших глазах упаковку комплекта белоснежного постельного белья (замечу, что в ту пору оно почиталось чрезвычайным дефицитом) и устелила хрустящими простынями и пододеяльником сиденья "жигуленка". Не только мина на лице, но и подчеркнута привычные движения должны были, по-видимому, продемонстрировать нам, что дело это в высшей степени заурядное.

Я с некоторой опаской опустил на белоснежное арабское белье и вытянул ноги подальше от ниспадавшего на пол края простыни. Тронулись. Огромная полиэтиленовая кисть винограда, свисавшая с зеркала заднего вида, мотнулась к моему лицу, я удачно увернулся от привычного щелчка по носу этим увесистым не то амулетом, не то символом полноты жизни.

Но покатали мы почему-то не в сторону холмов, синевших на севере - там проходил Ферганский канал, - а в центр поселка. Остановились возле базара. Хозяин, грузный, дочерна загорелый жизнелюбец в тубетейке и рубашке-распашонке, жестом призвал потерпеть и исчез в воротах рынка. Вскоре появился с огромным газетным свертком - там, где он раскрылся, багровело мясо.

Все внутри у меня упало. Когда сверток скрылся в багажнике (отчего, как показалось мне, автомобиль несколько сел), я дождался, когда Ахмат - так звали жизнелюбца - опустил на свое место, и выразительно посмотрел на него.

Он все понял без слов и развел пухлыми руками:

- Пока доедем, пока рыбалка сделаем - кушать захочим...

Вообще, надо сказать, мясо занимает важное место не только в тамошней жизни, но и в языке. Я первым запомнил его из узбекских слов - "гушт". Оттого ли, что часто попадались вывески с этой надписью, оттого ли, что постоянно слышал его в речи моих спутников. А ведь это были литературные люди! Впрочем, узбекские литературные люди сильно разнятся от московских. В отличие от последних в их речи непривычно часто мелькают слова "обком", "ЦК", пожалуй, даже с такой же частотой, как "гушт". Так что разговор литераторов о литературе звучит примерно так (для не понимающих узбекского языка):

- Тыр-пыр, халды-балды, обком, баран-мардан, казан-рамазан, гушт, киш-миш, базар-

мазар, ЦК, тубетейка, халат, обком, урюк, чебурек, шурум-бурум, гушт.

И снова: обком, гушт, ЦК, ЦК, гушт, обком...

Как освежали меня знакомые слова в непонятном речевом потоке! Иной раз казалось: еще чуть-чуть и придет прозрение, я тоже внедряюсь в разговор профессионалов. Особенно если начинали сыпаться до боли родные "бухгалтерия", "дом творчества", "чайхана", "отчетно-выборная конференция". До чего же местами схожи наши языки!..

Я не очень-то и преувеличил частотность определенных понятий в лексиконе узбекских литераторов. В тех краях - в отличие от Москвы - пишущий человек вряд ли может быть назван лицом свободной профессии. Как, впрочем, и всякий иной. Иерархичность всегда была свойственна восточным обществам, так что в советскую эпоху всеобщая бюрократизация жизни нашла в Средней Азии особо благоприятную почву. Если уж даже литературный процесс трудно себе представить без таких инстанций, как обком и ЦК, то что говорить о хозяйственной жизни. Всевластие любого чиновника здесь достигает подлинного расцвета. Чинопочитанием пронизаны все поры общественной жизни, а по ее образу и подобию строятся и взаимоотношения в семье, где каждый занимает четко установленную освященную традициями ступень. Здесь тоже существуют своего рода должности: "отец", "старший сын", "просто сын", "жена", "дочь"... Даже семьдесят лет эмансипации, развалившей семью у христианских народов советской империи, не смогли нарушить микроиерархию среднеазиатского дома...

АРХИВ. I

"Вашей заботой, вниманием и душевной щедростью в равной мере согреты все республики, и среди них Советский Узбекистан. Мы хорошо знаем, что всеми своими успехами и достижениями обязаны Вам, Вашему живому участию и постоянной помощи. Только в результате этого республика, несмотря на суровые удары непогоды, вырастила, собрала и сдала в этом году государству более шести миллионов тонн хлопка".

Из приветствия ЦК КП Узбекистана, Президиума Верховного Совета Узбекской ССР, Совета Министров Узбекской ССР товарищу Леониду Ильичу Брежневу ("Правда", 19 декабря 1981 г.)

По данным Прокуратуры СССР, начиная с 1978 по 1983 год, приписки хлопка в Узбекистане составили 4,5 миллиона тонн ориентировочной стоимостью 3 миллиарда рублей.

Было установлено около 20 тысяч лиц, причастных к различным злоупотреблениям, хищениям и взяточничеству: работники хлопкозаводов, приемных пунктов хлопка, председатели колхозов, директора совхозов, бригадиры, бухгалтеры.

В Узбекистане сложилась система тарифов: каждая должность оценивалась определенной суммой, при этом учитывался коэффициент доходности того или иного места (например, директор совхоза в плодородной Ферганской долине "стоил" дороже, чем директор совхоза в Голодной степи). Минимальную расценку имело членство в партии - 1000 рублей. Чтобы занять пост 1-го секретаря райкома КПСС, нужно было уплатить до 100 тысяч.

РЫБАЛКА В ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЕ. II

Но возвращаюсь на пыльную дорогу, обсаженную пирамидальными тополями, по которым мы катили на рыбалку в мае 1980 года. Кроме меня и Ахмата в "Жигуле" сидели: директор музыкальной школы, писатель, привезший меня в Ферганскую долину, и ветхий старец в синем халате, тубетейке и тонких кожаных сапогах с остроносными галошами. Этот последний член нашей команды был на сей раз самым

главным. Мухаммед-ака слыл искусным рыбаком, знающим не только места, но и обладающим счастливой рукой.

На багажнике, укрепленном над крышей автомобиля, громоздилось несколько мешков - их мы погрузили возле дома Мухаммед-аки. До поры до времени я не знал, что в них.

Дорога становилась все хуже. Оглянувшись назад, я увидел только желто-серую стену пыли - и поля, и деревья пропали за сплошной завесой. Полиэтиленовая гроздь винограда то и дело угощала пощечинами то меня, то Ахмата. Трое сзади сплоченно мотались из стороны в сторону. Всякий раз, когда автомобиль задевал карданом землю, водитель прибавлял газ. Эта странная манера езды, наверное, изрядно сократила срок службы машины. Впрочем, весьма возможно, что в этом мрачном вызове колдобинам было что-то родственное якобы безразличному распечатыванию пакета с постельным бельем.

Наконец, мы добрались до большого кишлака, на окраине которого нас поджидал многотонный вездеход "Урал". Ахмат объявил, что дальше дорога еще хуже, поэтому "Жигуль" придется оставить здесь.

Поднявшись с сиденья, я обнаружил, что белым осталось только то, что я закрывал собой. Остальная часть простыни, накинутой на кресло, пожелтела от пыли.

Тем временем на пронзительный крик Мухаммед-аки из-за глиняных дувалов высунулось множество голов. Старец, размахивая клюкой, произнес короткую тираду в очень требовательном тоне. Минуту спустя к «Уралу» отовсюду бежали тощие полуголые люди: парни, мужчины средних лет. Всех этих оборвышей Мухаммед-ака загонял посохом в кузов грузовика, важно и зло покрикивая при этом. Ясно было, что акакал наслаждается редко выпадающим счастьем покомандовать и покуражиться. Несколько кишлачных жителей притащили тяжелую железную печь с трубой и огромный казан. Я спросил:

Зачем такие приготовления?

А если кушать захочим? - вопросом на вопрос ответил Ахмат.

Я молча забрался в кузов и сел среди голодранцев. Они приветливо улыбались, что-то ободряюще лопотали по-узбекски.

Когда отъехали с километр, моих попутчиков вдруг обуяло волнение. Все говорили разом, заглядывали под лавки, колотили кулаками по кабине. Я разобрал только слово "гушт".

Когда шофер выполнил требования остановиться, крики стали еще безысходнее. "Гушт! Гушт! Гушт!" - звучало вокруг. Наконец кто-то сжалился надо мной и объявил, что забыли в багажнике "Жигуля" мясо.

"Урал" с трудом развернулся на разбитой дороге и покатил обратно. Вскоре вождельный газетный сверток, уже изрядно пропитавшийся кровью, занял почетное место рядом с котлом. Пыль снова взвилась за бортом кузова.

Когда мы подъехали к берегу канала, солнце стояло уже высоко. Небольшую тень, отбрасываемую грузовиком, тут же использовали для организации "отдыха": постлали курпачи, разбросили дастархан. Несколько кишлачников ретиво носились вокруг, обламывая сухие сучья кустарника, другие растапливали печь. Ахмат сноровисто резал на доске курдючное сало и бросал его в разогретый казан.

Я уже понял, что рыбалка начнется не раньше, чем мы прикончим гушт, и, не задавая никаких вопросов, прохаживался вдоль воды. Часть оборванцев под руководством Мухаммед-аки возилась с мешками - теми, что везли на багажнике "Жигуля". Подойдя ближе, я увидел, что из джутовых кулей начали доставать перепутанные невода. Старик собственноручно разбирает их, скупыми жестами и повелительными междометиями подгоняя помощников. Расплывлась сложившаяся было в моем воображении идиллическая картина: молчаливо млеющие на солнце загорелые крепыши по колено в воде, - устремленные на поплавки зачарованные взоры; птичьи голоса в кустах; мерное неслышное движение водной глади... Я вздохнул и пошел на зов Ахмата, навстречу запаху жареной баранины.

Мне подали пиалу с водкой. Нет более неудобного сосуда для питья этого зелья. Когда запрокидываешь голову, водка не вся попадает в рот, а часть стекает по щекам на шею, струится по груди. При этом надо учитывать: то, что оказывается во рту - это не просто водка, а т е п л а я в о д к а . Не знаю, почему узбеки так пристрастились к пиалам - может, из привычки аллаха обманывать. Ведь на тоях водку подают не в бутылках, а в чайниках. Сидят себе люди, подливают в пиалы - благолепная картина чаепития. Если аллах при этом умильно взирает на сотрапезников, издалека, глядишь, и не разберет, чем угощаются.

Вообще-то говоря, эта застенчивость в пьянстве мне симпатична. Куда приятнее разухабистого питья из горла. Только единственное меня тревожит - водки много теряется...

Итак, я в очередной раз совершил единоборство с теплым напитком. Выпучив глаза, схватил какую-то закуску, принял услужливо поданную плошку с мясом. Пока "отдыхали", пришлось переместиться вместе с курпачами и дастарханом на другую сторону грузовика, куда перешла тень.

Если бы не мое твердое намерение немедленно приступить к рыбалке, Ахмат и его друзья обязательно вздремнули бы часок-другой. Но желание гостя - закон, и все на нетвердых ногах двинулись к воде.

Я принялся было раздеваться. Но меня остановили:

- Зачем? Люди есть. Мы руководить будем.

Подгоняемые Мухаммед-акой оборванцы полезли в воду, выметывая невода. Рядом со стариком грудились мы - два писателя, Ахмат и директор музыкальной школы. Последний, правда, вскоре незаметно исчез. Мы настолько увлеклись по примеру аксакала руководством рыбалкой - кричали, грозили кулаками, широкими плавными жестами показывали, как нужно обходиться с неводом - что не обратили внимания, когда директор успел раздеться догола. Подняв кучу брызг, он рухнул в воду и ринулся к неводящим.

Глубина канала у берега оказалась небольшой. Однако для некоторых низкорослых и ее хватило - они то и дело скрывались с головой, пускали пузыри, издавали нечеловеческие звуки. Мухаммед-ака воспринимал происходящее как обыкновенную работу, даже прикрикивал на булькающих. Когда неводы были полностью выметаны и концы их сошлись у берега, последовала команда выбирать и рыбаки потащили невод к берегу. Когда сначала одна, потом вторая и третья сети оказались на мелководе, в ячеях бились десятки, а может быть, и сотни крупных рыб - сазанов, лещей, шук.

Когда все это великолепие было выбрано из невода и уложено на траву у наших ног, Ахмат повел над трепещущими рыбинами царственным жестом и изрек:

- Вот видите, сколько рыбы вы поймали.

И я подумал, что разговоры о скачке Узбекистана из феодализма прямо в социализм несколько преждевременны.

Потом, когда рыба жарилась в уже знакомом мне казане (и, конечно, на курдючном сале!), а над пиалами, поставленными в кружок, кивала горлышком очередная бутылка водки, я спросил, указав в сторону полуголых рыбаков, сгрудившихся возле кустов и жевавших лепешки:

А как же они?

Сейчас отдохнут и домой пойдут, - бодро объяснил Ахмат. - Их семья ждет. Работать надо.

Признаюсь, во мне не закипели демократические страсти. Напротив, я с одобрением подумал, что узбеки как-то умудрились сохранить социальную иерархию - то, что десятилетиями предавалось анафеме коммунистической идеологией. Оттого любой люмпен весьма высокого мнения о своем праве съездить по физиономии любого не приглянувшегося ему человека, оттого патологическая страсть к равенству проникла во все поры жизни, чрезвычайно затруднив выдвижение всякой яркой личности.

Впрочем, когда я заговорил об этом, сотрапезники меня решительно опровергли. А один даже рассказал анекдот о том, как некто попал на экскурсию в ад.

- Ведет его дьявол и показывает: вот в этом котле варятся прелюбодеи, вот в этом - убийцы, здесь - клеветники. Возле каждого котла стоит черт с багром и цепляет им тех, кто пыгается выскочить, а потом заталкивает назад. А возле одного котла - никого. Огонь под ним горит, вода кипит, а на поверхности тихо. Только изредка всплывет кто-нибудь и тут же исчезает в кипятке. "А здесь почему нет сторожа?" - спрашивает гость. "Тут узбеки сидят, - отвечает дьявол. - Они сами никому высунуться не дадут".

И все же эта байка не разубедила меня. Страсть к доносу действительно присуща Востоку, действительно любого низринутого с высот власти с удовольствием втапывали и втапывают в грязь. И тем не менее - пока человек при должности, его чтут с подобострастием. Это, пожалуй, еще одно подтверждение тому, что личностное начало не проявляется здесь с такой определенностью, как на Западе. Быть может, дело в каких-то мировоззренческих установках Востока и Запада, ислама и христианства.

Свою слабую индивидуализированность Восток инстинктивно стремится восполнить численным перевесом: не здесь ли надо искать объяснение того феномена, что по мере роста демократии и индивидуализма в мире исламский социум отвечает на этот вызов массивным деторождением? Но, возможно и обратное объяснение: установка на многодетность, многосемейственность снижает ценность каждого отдельного ребенка, не позволяет уделять ему много внимания, и это приводит к усреднению, обезличиванию воспитания...

Должность, чин в таком обществе усредненных личностей - некая замена индивидуальности, то, что приподнимает над толпой. Потому-то обладание ею

автоматически выталкивает человека на верхний горизонт. Однако, поскольку никакого изменения с самим обладателем чина не происходит, то для всякого следующего вверх по иерархии начальника он остается такой же среднестатистической величиной.

Наслаждаясь рыбой, пахнувшей бараньим жиром, мы наблюдали, как охмелевший директор музыкальной школы носится в чем мать родила среди мелких кустиков и распевает нечто патетическое из репертуара ансамблей военных округов. Обгорелые дехкане, сидя на корточках, с почтительными улыбками наблюдали за вокально-гимнастическими экзерсисами. Ахмат сдвинул брови и что-то крикнул. Рыбаки разом посерьезнели, быстро поднялись и двинулись по дороге к кишлаку. Я понял этот эпизод так: простонародью не пристало наблюдать за начальственными забавами.

И все же, при безусловном моем отрицании этого мелкого деспотизма, мне показалось, что в отношениях мусульман друг к другу есть какая-то изначальная доброта, сердечность - очень не похожая на ту внешнюю открытость гостю, которую без устали демонстрируют денно и нощно. В конце концов, если эти обычаи и нравы держатся у них, несмотря на смены режимов и идеологий, значит, они устраивают их, значит, они отвечают их представлению о разумном, добром, справедливом? А раз так, зачем ломиться в чужой дом с моральными прописями, выработанными в совершенно ином обществе? Лучше старой русской поговорки не скажешь: в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Быть может, весь наш цивилизаторский зуд - преступная бессмыслица? И все уродства советского Востока от насилия над его природой. Животное можно научить ходить на задних лапах - но станет ли оно оттого счастливым? А человек - он ведь тоже животное, хотя и разумное...

Та давняя поездка не раз возникала у меня перед глазами, когда я встречал в газетах материалы об узбекской партийно-бюрократической мафии, о массовых злоупотреблениях властью. Я вроде бы не соприкоснулся с представителями местной элиты, максимальный уровень моего тогдашнего общения - директор совхоза и заведующий отделом райкома партии. Но чтобы поверить в существование зинданов Адылова и его самозванной "полиции", мне было достаточно вспомнить покорных безропотных парней в ветхой одежке и измызганных тюбетейках. Думаю, если бы кто-то из них и захлебнулся, выметывая невод, все восприняли бы это как дело житейское. Может быть, даже и жаркое из рыбы не отменили бы.

Другой вопрос, что размах злодеяний, описанных и даже представленных в художественных фильмах, был изрядно завышен. Все было куда проще, обыденнее, зауряднее. И потому - еще страшнее...

ЛИГАЧЕВ. 1

Партийная карьера Юрия Кузьмича Лигачева началась еще в годы войны. Но у нас нет необходимости забираться в такую даль. Для нашего повествования существенно лишь то обстоятельство, что летом 1983 года этот мало кому известный томский губернатор получил назначение на ключевой пост в системе партийной власти - он стал заведующим организационным отделом ЦК. Фактически Лигачев вернулся к прежнему месту службы - в 1965 году он был отправлен в захолустный Томск с должности заместителя заведующего того же отдела ЦК.

Томское восемнадцатилетие было своего рода ссылкой для Лигачева - за всю брежневскую эпоху он не двинулся ни на одну ступеньку в иерархии власти. Но в свете дальнейшего продвижения Юрия Кузьмича (так его всегда звали и зовут сослуживцы, и только перед миром он предстает как Егор - плоть от плоти простого народа) те восемнадцать лет можно образно представить временем сжимания пружины, обеспечившей беспрецедентный рывок.

О продвижении или о начале конца того или иного деятеля на самом вершине советской бюрократической системы со времен смерти Сталина можно было судить только по одному документу: по фотографии трибуны мавзолея Ленина в дни демонстраций, парадов или пышных похорон. Человек, введенный на Пленуме ЦК КПСС в состав Секретариата или Политбюро, при ближайшем появлении руководства партии на мавзолее пристраивался в хвосте цепочки высших лиц страны. Там, на последнем месте, он мог стоять очень долго - например, при Брежневе это было уделом К.Русакова, секретаря по связям с правящими компартиями. Нормальным явлением было передвижение на одно место за два года. Но Юрий Кузьмич нарушил все чинные традиции.

26 декабря 1983 года было объявлено о том, что Пленум ЦК избрал Лигачева секретарем ЦК. Первый после этой даты выход руководства на трибуну мавзолея был связан с похоронами генсека Андропова в середине февраля 1984 года.

7 ноября 1983 года Егор Кузьмич уже продвинулся на одну ступеньку - он предпоследний на вершине гранитного сооружения, возведенного по образцу культовых построек Древнего Востока - зиккуратов.

13 марта 1985 года, в день похорон очередного генсека Черненко, Лигачев уже четвертый с краю.

1 мая 1985 года Егор Кузьмич перепрыгнул аж на восемь мест ближе к центру трибуны. Ибо за неделю до этого - 23 апреля - Пленум ЦК избрал его членом Политбюро.

7 ноября 1985 года Лигачев стоял уже на четвертом месте. Это означало, что он занял положение второго лица в стране. Ибо первое, второе и третье места на трибуне по традиции занимали соответственно генсек, Председатель Президиума Верховного Совета и Председатель Совета Министров. Четвертое место принадлежало 2-му лицу в партии, ведавшему высшей номенклатурой, и по объему реальной власти это 2-е лицо превосходило всех остальных, кроме генсека.

При Андропове Лигачев сделал первый бросок к зиккурату. Затем, в течение 13-месячного генсекства Черненко он практически стоял на месте. Но как только на высшую должность в партии вступил Горбачев, Егор Кузьмич сделал еще один спринтерский рывок.

То, что Горбачев - выдвигенец Андропова, как будто, нет необходимости доказывать. Таким образом, стремительное продвижение Лигачева при Андропове и его протее и, в то же время, 13-месячная заминка при стойком брежневце Черненко с полной ясностью свидетельствует, к какой команде принадлежал Егор Кузьмич. В Политбюро он вошел благодаря поддержке, оказанной Горбачеву во время избрания нового генсека после смерти Черненко - для этого у секретаря ЦК по кадрам имелись широчайшие возможности. Именно Апрельский Пленум ЦК, с которого ведется отсчет эпохи перестройки, ввел Лигачева в состав партийного ареопага и вручил ему жезл 2-го секретаря, прежде принадлежавший Горбачеву.

Показательно, что перевод Егора Кузьмича из Томска в Москву совпал с проведением июньского Пленума ЦК КПСС 1983 года. На нем Андропов впервые после своего восшествия на партийный престол приоткрыл свои далеко идущие замыслы:

"В Программе партии зафиксирована задача сокращения и упрощения управленческого аппарата. Думаю, что ее следует по-прежнему считать актуальной. Это и практический, и принципиальный политический вопрос, его остро ставил еще Ленин. У нас кое-что делается в этом направлении, но недостаточно. Убежден, товарищи, что можно без вреда для дела значительно сократить штаты многих учреждений и организаций. Освободившиеся люди всегда найдут себе применение там, где у нас нехватка кадров" ("Правда", 16.06.83).

И чуть ниже генсек сформулировал еще одну задачу:

"Нормальный ход нашего общественного развития немислим без строжайшего соблюдения законов, охраняющих интересы общества и права граждан. Необходимо, в частности, полностью покончить с таким явлением, как случаи использования государственного, общественного имущества и служебного положения в целях личного обогащения. Ведь если вдуматься, это не что иное, как подрыв самой сути нашего строя. Здесь закон должен быть непримиримым, а его применение - неотвратимым. Защита интересов народа - это одна из основ нашей социалистической демократии".

На том Пленуме еще успел выступить 1-й секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидов. В обычной своей патетической манере он заверил партию, что трудящиеся республики не пожалеют сил...

А уже через несколько дней Шарафа Рашидовича пригласил на беседу новый заворг ЦК товарищ Лигачев. Впрочем, предоставим слово самому Егору Кузьмичу:

«Я был утвержден Центральным Комитетом партии заведующим Отделом ЦК КПСС примерно в середине 1983 года. Через какой-то небольшой период времени меня заинтересовало следующее обстоятельство. За предыдущие три года было получено Центральным Комитетом партии свыше 30 тысяч писем трудящихся Узбекистана о злоупотреблениях тогдашнего руководства. Я доложил об этом товарищу Андропову и получил разрешение, может быть, впервые, как заведующий отделом побеседовать с входящим в тогдашнее политическое руководство Рашидовым.

Беседа у меня пошла лишь тогда, когда я сказал, что веду ее по поручению Генерального секретаря Центрального Комитета партии. Затем Рашидов ушел из жизни».

Это заявление, сделанное 23 декабря 1989 года на Втором съезде народных депутатов СССР, впервые приоткрыло завесу тайны над последними днями узбекского лидера.

РАШИДОВ

Обстоятельства ухода Рашидова из жизни в точности известны только судебно-медицинской экспертизе. В официальном сообщении о его смерти говорилось: "31 октября 1983 года скоропостижно скончался кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Коммунистической партии Узбекистана, член Президиума Верховного Совета СССР Шараф Рашидович Рашидов. Видный деятель Коммунистической партии и советского государства, он всю свою жизнь посвятил великому делу строительства коммунизма".

Но упорные слухи, распространившиеся после его кончины, говорили, что цветущий вожак узбекских коммунистов скончался не совсем естественным образом. Ровесник революции (он родился 6 ноября 1917 года), Шараф Рашидович прошел вместе со страной славный путь от феодализма к развитому социализму...

Я хочу представить себе его последние минуты и не могу. Невозможно вообразить, что переживает человек, всего лишь год назад слышавший отеческую хвалу Генерального секретаря при вручении ордена Ленина Узбекистану и ют теперь получивший разнос из уст какого-то заведомо. Новый генсек не снизошел до него! А потом прибытие этой группы следователей из Москвы...

Чтобы представить себе, что думал и чувствовал человек, внезапно покинувший этот мир, надо постараться узнать образ его мыслей, характер, взгляды. Обычно в таких случаях прибегают к изучению переписки, служебных характеристик, опрашивая родных и знакомых покойного. В случае с Рашидовым в этом нет необходимости. Дело в том, что усопший был не только политическим деятелем, он давно и широко прославился как писатель. Драгоценные свидетельства его духовных исканий собраны в 5-томном собрании сочинений, выпущенном в 1979-1980 гг.

Биографические сведения обычно содержатся во вступительной статье к такого рода изданиям. Открываю первый том и вижу портрет автора. Узкое лицо, прямой высокий лоб, крупный нос, тонкие губы, темные выразительные глаза, седые волосы, гладко зачесанные назад. Пытаюсь увидеть его за полированным столом в огромном роскошном кабинете. Вижу. Пытаюсь представить себе Шарафа Рашидовича в золотом халате, возлежащего на богатом ковре возле хауза - бассейна. Вижу. Этот породистый представитель среднеазиатской расы хорошо смотрелся бы в любом облике - и в феодальном, и в европейско-бюрократическом.

Но пойдём дальше. Объемистая статья Виталия Озерова «Живые токи народной жизни» наконец-то даст нам искомые факты загадочной пока биографии. И сразу же - какая удача! - натываемся на "обобщение":

"Эпиграфом к творчеству Ш.Рашидова могут быть поставлены его строки:

*Мы подняли бунт против пустынь, Обуздаем
плотинами быстрые, дикие реки, Создадим
великие рукотворные моря,*

*И в бескрайние степи придет весна.
Расцветут там сады, зацветут цветники
И долина предстанет бескрайним хлопковым полем!*

Это мироощущение борцов, созидателей, в рядах которых навсегда нашел свое место Ш.Рашидов". Ну что ж, пусть это будет эпиграфом - хотя и не совсем на месте поставленным.

Ага, вот, наконец, и биографические данные. Но они настолько скупы... Анкета и то подробнее бывает. Две строчки про то, как родился и учился, о сорокалетней же деятельности творца и государственного деятеля обидно скупо:

"Затем был фронт, тяжелое ранение; в Самарканд довелось вернуться в середине 1943 года. Вернуться, чтобы с головой уйти в общественно-политическую деятельность: редактор "Ленин юлы" (1943-1944 гг.), секретарь Самаркандского обкома партии (1944-1947 гг.), редактор республиканской газеты "Кзыл Узбекистон" (1947-1949 гг.), председатель Правления Союза писателей Узбекистана (1949-1950 гг.). В течение девяти лет Ш.Рашидов занимал пост Председателя Президиума Верховного Совета республики, а с 1959 года является первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана. Ш.Рашидов - кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС. Он дважды Герой Социалистического Труда".

И пошли-поехали - сплошной литературоведческий анализ. Ох уж эти критики, будто невдомек им, как охоч читатель до подробностей жизни любившего автора!

Но нет, вот что-то, как будто, о взглядах самого Рашидова: "Он не скрывает своих симпатий и антипатий. Любуется бескорыстным трудом дехкан. Бескомпромиссно развенчивает эгоцентристов, накопителей, интриганов, пользуясь для этого сатирическими красками (портрет Юсуфия: клеветник был длинный, тонкий и серый, как червь, глаза его ничего не выражали, тонкие бескровные губы не знали, что такое улыбка)".

И еще: "Проза Ш.Рашидова полифонична: удары кетменей, доносящаяся издали песня погонщиков каравана, мерное журачанье ручья, переключки людских голосов. Нередко с голосом персонажей сливается авторский. Писатель, никогда не забывающий о воспитательной миссии литературы, он охотно вступает в доверительный разговор со своими героями, в чем-то поддерживает, от чего-то предостерегает, комментирует и обобщает их поступки".

Об убеждениях сановитого писателя сказано без нажима, но весьма прозрачно - вроде бы о рашидовских героях речь, а на деле-то - скупая похвала самому прозаику:

"Счастью народу посвятили себя и старый большевик, секретарь обкома партии, и молодой комсомольский работник Анвар. Они не намерены мириться с теми, кому безразличны интересы общества, вроде бездушного карьериста третьего секретаря райкома Тураханова. Как и Кадыров, Тураханов стоит над людьми, возмущается тем, что "распустили народ". Разоткровенничавшись, заявляет, будто в жизни "все относительно - низкие и высокие понятия". Он особенно опасен потому, что демагогически спекулирует высокими словами о государственном благе, о партийности. Метко подмеченный тип двурушника и перерожденца! Партия, народ сметают его со своего пути".

Ага, вот все-таки и долгожданные детали, даже о друзьях кое-что есть. А ведь, по пословице, скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты.

"Фадеев сразу приметил одаренного узбекского писателя. На приеме после состоявшейся в 1949 году в Москве Первой Всесоюзной конференции сторонников мира Фадеев провозгласил тост за главу делегации Узбекистана: "Горжусь моим братом Рашидовым,, партийным работником, талантливым художником слова". Затем они вместе с Александром Твардовским и Константином Симоновым почти до утра проговорили в номере гостиницы, где жил гость столицы. Словно заглядывая в будущее, Фадеев повторял: «Знаю, что тебя ждет большая партийная, государственная деятельность, и как родной брат советую - никогда не оставляй творчество».

Подумать только! Еще за десять лет до восшествия Шарафа Рашидовича на партийный престол провидец Фадеев высмотрел в нем лидера. Жаль только, не узнаем мы никогда, о чем в ту ночь толковали Твардовский с Рашидовым.

Я перелистываю том за томом. О художественных творениях Рашидова - романах "Победители", "Сильнее бури", "Могучая волна" распространяться не буду, названия сами за себя говорят. Да и Виталий Озеров достаточно ярко, пафосно о них написал. Меня другое влечет - в 4-м томе должны быть воспоминания. Так и обозначено на титуле: "Литературно-критические статьи. Воспоминания. Зрелость, киноповесть". Но из всего обилия текстов нашел лишь один действительно смахивающий на мемуары.

"В июле 1978 года в Кремле проходила сессия Верховного Совета СССР. На второй день ее работы в перерыве между заседаниями я встретился с Николаем Семеновичем - он был тогда заместителем Председателя Совета Национальностей. Мы обнялись, как старые, добрые друзья.

Раскрыв папку, Тихонов вынул десятый номер журнала "Знамя" за 1977 год и любезно протянул мне. Я знал, что в этом номере была напечатана статья Н.С.Тихонова о моем творчестве.

Я сердечно поблагодарил Николая Семеновича за журнал и чудесный автограф. Чуть прищурил глаза, он спросил:

Читали статью?

Читал.

Ну и как?

Трудно было ответить на этот вопрос... Все мы знали Тихонова как выдающегося поэта и прозаика, великолепного переводчика, пламенного патриота нашей многонациональной литературы. А здесь он открылся мне еще одной гранью своего могучего таланта, выступив умным и взыскательным критиком".

Очень ценное свидетельство того, с какой теплотой Шараф Рашидович относился к собственному творчеству. С истинно восточной щедростью он именует потравившего ему чиновника Союза писателей могучим талантом. Выходит, умел ценить хорошее отношение! Симпатичная черточка.

Так я добрался и до 5-го тома. В нем уже о личности Шарафа Рашидовича почерпнуть ничего не удалось. Конечно, и здесь много вдохновенных строк: о повороте сибирских рек в Среднюю Азию, дабы взять "излишнюю воду" в России, об идеологической борьбе с империалистической идеологией, о раскрепощении узбекской женщины. Конечно, все это говорит о кругозоре, о масштабе личности

автора, но для нашего повествования это все мало существенно. Ведь я ишу драгоценных свидетельств ж и з н и. Ну хорошо, обнаруживаю упоминание о территориально-производственном объединении им.Ленина Папского района - но ведь никаких имен, никаких эмоций! А в газетах-то потом расписывали этот самый Папский район и его свирепого тирана - директора местного агропрома Адылова! Где он? Не вижу.

Вот ведь сколько написал Шараф Рашидович, а разглядеть его характер, в душу проникнуть по-настоящему не удастся. Значит, скрытный был человек. Нехорошая черточка!

В прессе, сколько я ни разыскивал, ничего, кроме общих утверждений, что Рашидов был крестным отцом узбекской мафии, я не обнаружил. Ни конкретных фактов, ни сумм, полученных им самим, ни имен его жертв. Попалась лишь цифра: с 1976 до 1983 года в Узбекистане осуждено за хищения, связанные с использованием служебного положения, 21 тысяча человек. Выходит, в самый застой (именно серединой 70-х и датируют его начало) Рашидов не давал спуску казнокрадам? Скажем, Шеварднадзе, по утверждениям его земляков из Грузии, за все свое пребывание на высшем партийном посту в республике (1972-1985) посадил 20 тысяч деловых людей - а он-то ныне слывет первой ласточкой перестройки.

Но есть и другие интересные данные. Сегодня Рашидову инкриминируют приписки объемов собранного в Узбекистане хлопка. Как известно, свой последний орден Ленина республика получила из рук дряхлого генсека весной 82-го - за то, что дважды перевалила за 6-миллионный рубеж в тоннаже сданного хлопка.

Впрочем, вот соответствующие цифры по Узбекистану, выписанные мною из Ежегодников Большой Советской Энциклопедии:

год - 5,762 млн т
год-6,24 млн т
год - 6,02 млн т
год - 6,002 млн т
год - более 5 млн т (так в официальном сообщении)
год - 5,4 млн т
год - 5,4 млн т

Если предположить, что с года смерти Рашидова указывается цифра истинного сбора хлопка, то окажется, что именно в годы посадок за хищения и происходили приписки. При грубом подсчете выйдет 3 миллиона тонн за последние пять лет пребывания Рашидова у власти. Видимо, какое-то количество приписывалось и ранее.

Сумма, выплаченная таким образом Узбекистану за "воздух", за дутые цифры, выразится в 1,5 млрд рублей - 3 млн т по 50 копеек за килограмм (средняя закупочная цена на хлопок в те годы).*

Деньги были выплачены - и рассосались среди тех, кто в той или иной мере оказался причастен к надуванию отчетности. Собственно говоря, непосредственно рубли выплачивались низовому производителю. Писались объемы сверх истинных, а затем полученное забиралось по цепочке вверх: начальство-то - и особенно низовое - знало, что в ведомости расписываются за незаработанное.

Главный вопрос здесь вот в чем: где прерывалась цепочка и прерывалась ли вообще? По идее, не должна бы. Ибо если бы отрыв был, то именно на его месте неизбежно задавался бы другой вопрос а где же хлопок?

Именно рубеж 70-80-х годов был отмечен первым серьезным дефицитом на хлопчатобумажные ткани - тогда он казался чем-то неестественным. Это теперь мы ко всему приучены.

Быть может, смена команды в Кремле привела к разрыву цепочки, слому налаженного механизма? Вот тогда-то и прозвучал вопрос: а где же хлопок? Но задавать его прямо в лоб было не в манере человека, пришедшего к руководству страной. И тогда возникли тридцать тысяч разгневанных писем, до поры до времени лежавшие в некоем хранилище, как положено компромату. И посему состоялась знаменательная беседа товарищей по партии Рашидова и Лигачева.

** Вообще подсчеты по этой части - дело весьма сложное. Ибо цены на средневолокнистые сорта хлопка (основная масса продукции) сильно варьировали в зависимости от сортности (первые промышленные сорта -1 -й и 2-й - составляли около 70% общего объема поставок), от типа волокна и некоторых иных параметров. Низшие сорта принимались по цене около 260 рублей за тонну, лучшие - 600-700 рублей. Но средняя цена в грубом приближении около 500 рублей за тонну вполне приемлема для наших подсчетов.*

Позволю себе усомниться в том, что Шарафа Рашидовича устрасила цифра: тридцать тысяч, боюсь, что товарищ Лигачев задал нескромный вопрос: а где же хлопок? Он только что переехал из Томска и знал, что в старинном сибирском городе, славящемся давними культурными традициями, люди спят на рваных простынях, ибо "хэбэ" давно стало предметом роскоши.

Не тот был человек Шараф Рашидович, чтобы уйти из жизни из-за каких-то эпистол - пусть даже их было тридцать тысяч. А вот нескромный вопрос о хлопке, да еще в количестве трех миллиардов килограммов, мог заставить десятижды ленинского орденосца судорожно перелистать книгу своей жизни.

Как это пишется в плохих романах - в смертный час перед мысленным взором героя мгновенно проносится вся его жизнь. Думаю, что у дважды Героя Социалистического Труда это мгновение могло быть несколько более продолжительным.

Быть может, в сознании Шарафа Рашидовича промелькнули все две тысячи страниц его собрания сочинений, быть может, вспомнилось и предисловие замечательного критика-коммуниста Виталия Озерова, его вдохновенные строки, навеянные чтением романа "Могучая волна":

"Он особенно опасен потому, что демагогически спекулирует высокими словами о государственном благе, о партийности. Метко подмеченный тип двурушника и перерожденца. Партия, народ сметают его со своего пути".

ХРОНИКА III

1985 год. Февраль

Ташкентский областной суд приговорил начальника дивизиона ГАИ г.Бухары В.Иззатова к 13 годам лишения свободы за взятки. Подсудимый не признал себя виновным.

Март

Самоубийство Р.Гаипова, бывшего 1-го секретаря Кашкадарьинского областного комитета Компартии Узбекистана.

14 Арест М.Норова, бывшего начальника УВД Бухарского облисполкома.

Май, 17

Бывший 1-й заместитель министра внутренних дел Узбекистана Г.Давыдов обнаружен в госпитале с тремя пулевыми ранениями в голову. Официальная версия: самоубийство.

Август

Ю.Чурбанов освобожден от должности заместителя министра внутренних дел СССР.

Сентябрь,

9 Арестованы заместитель министра внутренних дел Узбекистана П.Бегельман, начальник УВД Кашкадарьинской области А.Норбутаев, бывший министр внутренних дел Х.Яхьяев. Всем предъявлено обвинение во взятках.

Декабрь,

10 Арест генерала Д.Джамалова, начальника УВД Ташкентского облисполкома.

24 Самоубийство начальника Орджоникидзевского РОВД г. Ташкента полковника А.Хаджимурадова.

1986 год

Май

Верховный суд Узбекистана вынес приговор Музаффарову и его подельникам.

Август

Ю.Чурбанов исключен из рядов КПСС решением Комиссии партийного контроля при ЦК КПСС.

Октябрь,

27 Арест Г.Орлова, бывшего заместителя председателя Президиума Верховного Совета Узбекистана.

Декабрь,

13 Арест бывшего 2-госекретаря ЦК Компартии Узбекистана Т.Н.Осетрова.

1987год.

Январь

- Верховный суд СССР приговорил бывшего 1-го секретаря Бухарского областного комитета Компартии Узбекистана А.Каримова к смертной казни. Президиум Верховного Совета помиловал осужденного с заменой наказания 20-летним заключением.
- Октябрь 14 Арест Ю.Чурбанова в Прокуратуре СССР.
- Арест Р.Абдулаевой, бывшего секретаря Компартии Узбекистана.
- 1988 год.
- Январь, 23 В "Правде" появилась статья Г.Овчаренко "Кобры над золотом", с которой началась кампания в прессе о деятельности группы Гдляна.
- Март, 24 Верховный суд приговорил бывшего министра хлопкоочистительной промышленности Узбекистана Усманова к расстрелу. Другие участники "хлопкового дела" осуждены на различные сроки лишения свободы.
- Май, 26 А.Рекунков освобожден от должности Генерального прокурора СССР по состоянию здоровья.
28-29 Газета "Социалистическая индустрия" опубликовала статью, в которой обвинила А.Рекункова в злоупотреблении служебным положением.
30 Руководство Прокуратуры СССР утвердило обвинительное заключение и передало в суд дело Чурбанова и других служащих МВД.
- Июнь, 25 Журнал "Огонек" опубликовал статью Т.Гдляна и Н.Иванова, в которой указывалось, что среди делегатов XIX Всесоюзной конференции КПСС имеются взяточники.
28 В Москве прошла XIX партконференция.
- Октябрь, Арест 1-го секретаря Самаркандского Областного Комитета Н.Раджабова
19 Арест в Москве 1-го секретаря ЦК Компартии Узбекистана И.Усманходжаева.
25 Во время допроса у следователей Т.Х.Гдляна и С.В.Московцевой Усманходжаев дал показание о даче двух взяток члену Политбюро Е.Лигачеву.
26 Заместитель Генерального прокурора СССР А.Д.Васильев, осуществлявший надзор за расследованием дела Усманходжаева, и следователь С.В.Московцева допросили И.Усманходжаева. Он подробно рассказал о даче взяток Лигачеву.
28 И.Усманходжаев отказался от своих показаний на беседе с Генеральным прокурором Сухаревым.
29 На допросе в присутствии заместителя Генерального прокурора Васильева, следователя Московцевой и начальника следственной части Прокуратуры СССР Каракозова Усманходжаев подтвердил показания, данные 26 октября.
- Ноябрь, 1 И.Усманходжаев заявил, что Лигачева назвал по ошибке.
- Декабрь, 30 Завершение "чурбановского" процесса. Верховный суд СССР приговорил Чурбанова к 12 годам лишения свободы, Норбутаева - к 10, Бегельмана и Норова - к 9, Джамалова, Махамаджанова и Сабирова - к 8 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Кахраманов оправдан. Дело Яхьяева возвращено на дополнительное расследование.

ГДЛЯН С РАССТОЯНИЯ 50 САНТИМЕТРОВ

Год с весны 1989 по весну 1990 преподнес советскому человеку целый букет развлечений: от выборов народных депутатов СССР до выборов в народные депутаты республик и местные Советы. В промежутках между этими кампаниями народ упивался трансляциями съездов народных депутатов, сессий Верховного Совета, толпился на митингах и демонстрациях. Древний лозунг - со времен Рима требующий - "хлеба и зрелищ!" на вторую половину был выполнен за этот не совсем календарный год. Правда, выполнен за счет первой половины.

Если выборы народных депутатов СССР проходили еще с оглядкой на мертвенную чинность прежних "волеизъявлений народа", то битва за места в республиканские парламенты совершалась уже в условиях полного раскрепощения, местами переходящего в разнузданность. Словесные потасовки между кандидатами, поливание противников грязью на митингах и в листовках стали нормой, особенно перед вторым туром, когда из множества кандидатов в большинстве округов продолжали соревноваться двое финалистов.

Второй тур выборов проводился 18 марта, а на 17, субботу, Тушинский клуб избирателей назначил предвыборный митинг перед кинотеатром "Балтика". Я узнал об этом, когда вскоре после полудня вышел из подземного перехода станции метро "Сходненская* на площадь возле "Балтики". Увидев, что перед кинотеатром темно от народа, подошел, чтобы узнать, в чем дело. На широких ступенях, ведущих к зрительному залу, сгущились люди с плакатами и мегафонами, кто-то, темперантно рубя воздух рукой, бросал в толпу зажигательные лозунги о необходимости борьбы с аппаратом, с мафией, с коррупцией. За спиной оратора мерно колыхался плакат, клеймивший каких-то неведомых мне людей как ставленников партаппарата.

Тут же пестрели воззвания в поддержку кандидата Евгения Амбарцумова. Знакомое имя заставило меня прислушаться к тому, что говорил выступавший.

В речи отсутствовали какие-либо конкретные факты и имена - аппарат предстал со слов оратора неким многоглавым чудовищем, а противостоящий ему Амбарцумов подавался как великий страдалец, донкихот, мужественный борец за правду и крупный политический мыслитель. Я немало подивился такому безответственному красноречию - про Амбарцумова мне приходилось слышать совсем иное. В свое время, будучи студентом Института международных отношений, я принадлежал к кругу либерально настроенной молодежи, пророками здесь почитались неважные чинами преподаватели гуманитарных кафедр и сотрудники институтов Академии наук, занимавшихся внешнеполитической проблематикой. Разговоры этой публики вращались постоянно вокруг одних и тех же тем и имен, всякие события, сплетни, касающиеся карьеры тех или иных людей, непременно становились предметом обсуждения. Так что общественное лицо всякого человека, входившего в этот достаточно ограниченный социум, было хорошо известно всем. Евгений Амбарцумов, кстати, выпускник МГИМО, имел в либеральной среде неважную репутацию человека с гибким хребтом. Но все знали, что у него обширные связи в ЦК, КГБ и прессе, поэтому когда разразился скандал из-за амурных походов Амбарцумова, никто не удивился, что Евгений Аршакович не потонул в пучине политического небытия, а наоборот пригрелся в одном из отделов ЦК КПСС. Я не очень-то доверял этим разговорам, зная, как любят позлословить по адресу ближнего наши доморожденные либералы.* Но теперь, разом вспомнив все, что знал об Амбарцумове, с некоторым замешательством читал многочисленные транспаранты, славившие Евгения Аршаковича. Тут же рядом на круглой тумбе был наклеен предвыборный плакат с биографией кандидата, в которой почему-то умалчивалось и о факте службы Амбарцумова в ЦК КПСС, но в то же время утверждалось, что он страдал от нападков брежневско-черненко-идеологов. Но какие могли быть нападки, если сочинения нашего мыслителя выходили то в серии "Молодогвардейская Лениниана" ("Вверх к вершине. Ленин и путь к социализму"), то в партийном издательстве под вполне застойным титулом "Борьба пролетариата в странах развитого капитализма".

** Впрочем, слухи эти, как выяснилось, были не беспочвенны. Недавно газета "Пульс Тушина" (в этом районе Москвы и баллотировался Амбарцумов) писала: "Одно время Амбарцумов был заместителем директора Института международного рабочего движения, но за прогрессивные взгляды, по словам самого депутата, уволен. Наводим справки: так оно и есть, пострадал за демократию. В половом вопросе. Следом потянулась цепочка имен сотрудниц, использование служебного положения. Но реакционерам и этого показалось мало - под видом карантина они долго не выпускают Евгения Аршаковича в зарубежные поездки, которые он, как все демократы очень любит*" (выпуск седьмой, май 1990 г.).*

Я позвонил в редакцию и поинтересовался, не было ли опровержений, не пытался ли герой статьи подать в суд на газету. Ничего подобного не было -

выходит, старый грех народного депутата России всплыл-таки спустя почти двадцать лет и даже был обнародован. Любой политический деятель на Западе в такой ситуации подает в отставку. Впрочем, давно известно, что Запад нам не указ...

Спустя несколько дней, работая в библиотеке, я увидел первую из названных книжиц на "престижном" стенде, оформленном нашими добросовестными библиотекарями к очередной годовщине со дня рождения вождя. Пролистав сочинение Амбарцумова, добрался до списка цитат в конце. И что же узрел - наш буревестник начал свое сочинение (год издания -1981) с обширной выдержки из Брежнева, а увенчал сочувственной ссылкой на труды Сталина. И этот-то персонаж именовался на митинге надеждой демократической России?!

Но пока я предавался перед предвыборным плакатом размышлениям об извивах амбарцумовской биографии, рядом остановились две пожилые дамы, оживленно обсуждавшие происходящее. Одна из них заметила:

Видишь, какая толпа. Гдляна ждут.

А что, он собирается выступать? - поинтересовался я.

- Да, в самом начале митинга объявляли...

Мне стало понятно, чем была привлечена такая туча народу. Не достоинства же Амбарцумова заставили торчать здесь наших вечно озабоченных сограждан. Опытные устроители все хорошо продумали: вас ждет превосходный десерт, а пока закусите чем бог послал. Вот люди и выстаивают покорно, слушая экзальтированные речи, исполненные злости и жажды мшеница.

"Однако! - подумал я. - Выходит, не так-то прост Евгений Аршакович, коли удалось ему такого туза зазвать на свой предвыборный бенефис".

О Гдляне я слышал немало, читал сенсационные очерки в "Правде" и "Огоньке", в которых рассказывалось о его выдающихся успехах в борьбе с коррупцией, знал, наконец, что он обвинил во взяточничестве целую группу высокопоставленных функционеров ЦК во главе с членом Политбюро Лигачевым. Поэтому возможность увидеть его воочию представилась мне неожиданной удачей, и я решил дожидаться появления знаменитого следователя. Свои вопросы насчет странного союза между представителем радикальных сил и старым пронырой из интеллектуальной obsługi ЦК я решил оставить на потом - быть может, подумалось мне, Гдлян придет вовсе не для оказания поддержки Амбарцумову, просто пользуется возможностью лишний раз обратиться к массе с изложением своих позиций?

Поскольку пробиться к импровизированной трибуне не было возможности - люди стояли плотной стеной - я решил действовать по проверенному жизнью рецепту. Поднявшись по ступенькам ко входу в кинотеатр, я изобразил на лице государственную озабоченность и устремился с тыла к кучке активистов, плотно сбившейся вокруг микрофонов. Сдержанно-властное "Позвольте пройти!" и требовательное постукивание по плечу делали свое дело - стоявший впереди, с трудом отрываясь от соседа, образовывал шелку, в которую я немедленно внедрялся и, повторяя свой призыв, продвигался шаг за шагом туда, где вольготно стояли ораторы. Добравшись до цели, я замер с тем же торжественно-скорбным выражением на лице, которое наблюдалось у устроителей митинга.

Я занял почетное место как раз вовремя. Очередной агитатор не успел еще договорить, как публика пришла в радостное возбуждение, послышались крики, аплодисменты. Было тут же объявлено, что приехали Гдлян и Амбарцумов. Вскоре рядом со мной возникли двое мужчин восточного вида. Один из них, в синем синтетическом пальто и мягкой серой шляпе, с тщательно выбритым лицом, был мне знаком по снимкам в газетах и телерепортажам. Узнали его и собравшиеся. Гдлян - это был он - поприветствовал избирателей взмахом руки. К аплодисментам он отнесся как к привычной дани и затем во все время митинга держался спокойно, уверенно, - видно было, что он завсегда такого рода мероприятий, знающий цену и себе и толпе.

Второй из прибывших кавказцев был одет не в той провинциально-безличной манере» как Гдлян. Сразу было ясно, что обладатель добротной куртки и модненькой кепочки -персона совсем другого пошиба. Пожилой - лет на десять старше нашего Шерлока Холмса - он смотрелся то ли как молодящийся мидовский чиновник, то ли как директор большого ереванского магазина. Гдляна по внешнему виду никогда не выделишь из толпы, даже его армянская внешность не бросается в глаза - особенно теперь, когда Москва наводнена спекулянтами и дельцами из этой солнечной республики. Когда же двое подобных джентельменов где-то появляются вместе, у окружающих создается впечатление, что богатый преуспевающий завмаг почему-то решил уделить время бедному провинциальному родственнику. Здесь все было наоборот: в роли бедного заискивающего дяденьки выступал европеизированный Амбарцумов, а Гдлян представлял собой продвинувшегося

наверх таких митингах равнозначно для людей среднего и старшего поколения тому "балдежу", который влечет молодежь на концерты рок-групп. Там ведь тоже чаще всего нет ни искусства, ни блеска индивидуальностей: коллективное вкушение простейшего наркотика освобождает от необходимости думать, зато позволяет распустить, высвободить тайные комплексы. В обществе не принято излучать вонючую свою ненависть, свое недоброжелательство, а на митинге тебя приглашают легально излить накопившуюся злость, зависть, дурное настроение - и подставляют мишень. Для одних подходит аппаратчик, для других просто красный, для третьих "русский оккупант", для четвертых «инородец». И совершив вождьственное излияние темных страстей, «бунтари» идут домой посвежившие, с благодарностью к тому "психотерапевту", который облегчил им возможность сублимироваться.

Тогда мне подумалось: приличный человек никогда не станет самоутверждаться, играя на низменных инстинктах толпы. Тут что-то не так, надо разобраться с феноменом этого новоявленного защитника обездоленных.

Впрочем, что я в точности думал в ту минуту, припомнить не берусь. Возможно, реконструируя мое тогдашнее отношение к речи Гдяна, я примешиваю к своей тогдашней оценке последующие ощущения. Но с определенностью могу сказать, что отрицательный осадок остался у меня после заключительного пассажа Гдяна: он призвал голосовать за Амбарцумова, который был охарактеризован им как стопроцентный демократ. Я задал себе вопрос: что здесь, незнание истинной сути политического приспосабливца, слабое знакомство с ним или дело проще - армянин тащит армянина?

Тогда я склонился к последнему выводу. Ибо о нравственном лице Амбарцумова Гдян мог судить уже тогда и тогда же выразить свое отношение к искателю депутатского кресла. Дело в том, что немедленно после речи Гдяна - не успели еще стихнуть бурные аплодисменты - у микрофонов оказался молодой человек в клетчатой кепке и в очках. Как бы развивая успех речи Гдяна, он заговорил о том, что Тельман Хоренович, несомненно, прав в своей критике Горбачева и высшей партийной элиты, которая, разумеется, повинна в развале страны и деградации общества. Но еще более неприглядная роль в сегодняшнем кризисе принадлежит тем, кто десятилетиями находился на положении идеологической обслуги тоталитарного режима. Интеллектуальные лакеи Брежнева, Андропова, Черненко сочинявшие речи для генсеков и членов Политбюро, выезжавшие с ними за рубеж и обеспечивавшие пропагандистский глянец визитов, укреплявшие своими сочинениями духовный фундамент диктатуры, люди, хотя и способные, но бесстыжие.

Гдян благожелательно кивал в такт темпераментным обличениям оратора. Но вот прозвучало нечто такое, отчего наш Шерлок Холмс изменился в лице. Молодой человек с сочувственной улыбкой объявил:

- Должен, к глубокому моему прискорбию, огорчить уважаемого Тельмана Хореновича - одним из таких интеллектуальных лакеев всю свою жизнь был один из стоящих рядом с нами людей. Не далее как три месяца назад он ездил в Италию в свите Горбачева, которого вы сегодня столь аргументированно обвинили в узурпации власти. Сегодня человек, о котором я говорю, жаждет представлять в парламенте демократическую Россию. Этот человек - Евгений Амбарцумов. Уважаемые избиратели, призываю вас голосовать против политического хамелеона!

Завершив свою речь, оратор быстро ретировался. Толпа, только что аплодировавшая каждому его лозунгу, несколько мгновений молчала в замешательстве. Затем из ближних рядов раздались вопли «Аппаратчик!», «Долой аппаратчиков!» Но большинство со смехом аплодировало: даже любимцы публики не вызывают сочувствия, когда их так ловко сажают в лужу.

Митинг был испорчен. Гдян нахлобучил шляпу на самые глаза и с мрачной миной на лице направился в сторону лимузина, возле которого нервно прохаживался Амбарцумов*. Хлопнули дверцы и автомобиль резко рванул с места.

**Он почему-то не стал защищать авторитет Президента, хотя в своих писаниях на страницах "Московских новостей" регулярно поет алилуию реформатору. Видимо, депутатское место казалось ему столь вождьственным, что он решил в тот раз самую малость "поступиться принципами".*

Именно после этого митинга я впервые заинтересовался феноменом Гдяна, стал вырезать из газет попадавшие материалы о нем. Если прежде у меня было однозначно-положительное отношение к его деятельности как борца с коррупцией, то теперь, убедившись, что человек этот далеко не так прост, и что

ради политических соображений он может идти на союз с заведомо нечистоплотными людьми, такими как ветеран КПСС Амбарцумов - теперь я понял, что действия и высказывания Гдяна нужно рассматривать через призму ведущейся в стране борьбы различных политических сил.

Но не только настоящая, но и прошлая деятельность Гдяна стала приобретать в таком контексте совершенно иной характер и смысл. Из обычного следователя, пусть более облаканного славой, чем множество его коллег, из баловня удачи пятидесятилетний парламентарий преобразился для меня в немаловажную и загадочную фигуру политических шахмат. С попытки разобраться для себя, кем же на самом деле является Тельман Гдян, и берет исток замысел этой книги.

ПОЧЕМУ ИМЕННО ГДЯН?

Этот вопрос задавал себе и тот, кто летом 1983 года подписал приказ о назначении руководителя следственной группы Прокуратуры СССР, направлявшейся в Бухару. Попробуем представить себе, какими данными располагал он, рассматривая кандидатуру человека, совсем недавно появившегося в верховном органе надзора за законностью.

Биографические сведения. Армянин. Родился в 1940 году в Ахалкалакском районе Грузии. С 1949 по 1956 год жил с дедом и бабкой в Рубцовском районе Алтайского края. Затем вернулся в Грузию - и до ухода в армию жил в Сухумском районе, работал в совхозе. После службы вернулся в Сухуми, а в 1963 году перебрался в Саратов, где устроился заведующим хозяйством учебного комбината и одновременно поступил на подготовительные курсы в юридический институт.

Трудно сказать, почему Гдян избрал именно этот вуз. Но почему Саратов - можно попытаться ответить. В Армению ему путь был заказан - армянского языка он не знает. В Грузии за поступление надо платить, а семья его была явно не самая зажиточная. К тому же, на Кавказе престиж русских вузов гораздо выше, в своих царит халтура и коррупция, уровень даваемых знаний - ниже всякой критики.

Ясно и то, почему после окончания Саратовского юридического института Гдян принял распределение в Ульяновскую область. В правоохранительных органах Грузии зацепиться трудно - опять-таки платить надо... Работал следователем в Барашевском районе, потом следователем районной прокуратуры Ульяновска, а в 1973-1981 - старшим следователем областной прокуратуры. Присмотрел его там В.Найденков, тогдашний прокурор Ульяновской области - потом, когда он служил уже заместителем Генерального прокурора, протезировал Гдяну, включал его в состав следственных бригад, собиравшихся "с бору по сосенке" из многих областей.

Первое дело, на котором Гдян проявил себя в союзном масштабе - расследование деятельности подпольных текстильных цехов в Чечено-Ингушетии. Оно заняло несколько лет - с 1977 по 1980. Пока "раскручивали" цеховиков, Гдян собрал компромат на одного из своих коллег, который, возмущившись методами выколачивания признаний, ушел из следственной бригады. Этот следователь, Лопаткин, был из Саратова. Опираясь на показания цеховиков, Гдян предъявил ему обвинение во взяточничестве и оформил на него дело. Сначала направил его в Ульяновский суд - там доводы следствия признали неубедительными и вернули на доследование. Тогда передали лопаткинское дело в Куйбышевский облсуд. И загремел вчерашний сослуживец Тельмана Хореновича на двенадцать лет.

А тут подоспело еще одно дельце - там тоже со взятками было связано. Эстонский научный деятель И.Хинт, между прочим, лауреат Ленинской премии, попался на махинациях в созданном им конструкторско-технологическом бюро "Дезинтегратор". Взяли его осенью 81-го, а в конце декабря передали расследование Гдяну. Тельман Хоренович и тут на высоте оказался: по всем позициям доказал виновность Хинта и дал даже больше того, чего от него ждали. Выудил в материалах следствия тетрадку в сорок страниц, изъятую в доме Хинта во время обыска, а там...

Реконструируя ход мыслей чиновника, решавшего вопрос о новом назначении Гдяна, мы, естественно, можем только строить догадки о тех документах, которые были в его распоряжении. Но ничего не будет невероятного, если предположим, что он располагал бумагами, на которые сослался, отвечая корреспонденту "Литературной газеты" (1 ноября 1989 г.), заместитель председателя Верховного суда СССР Р.Тихомирнов: "23 сентября 1982 года следователь Тельман Хоренович Гдян привлек за эту рукопись Хинта к уголовной ответственности за антисоветскую агитацию и пропаганду. В своем постановлении. Гдян писал -

цитирую: "Хинт И.А., занимаясь антисоветской агитацией и пропагандой в целях подрыва и ослабления Советской власти, сочинил, распространил и хранил произведение антисоветского характера под названием "Трагедия некоторых честных людей XX века" в объеме 42 страницы машинописного текста, содержащее клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй". Позже, в ноябре - декабре 1982 года, тот же Гдлян составил обвинительное заключение против Хинта. Сочинение его названо "антисоветским пасквилем". В подтверждение вины Хинта Гдлян приводит такие слова одного из свидетелей: "Хинт отрицательно отзывался о политике Советского Союза в Афганистане... Хинт одобрял действия профсоюзного объединения "Солидарность" в Польше... Хинт говорил о "деспотизме в экономике" в Советском Союзе, который якобы ведет страну к катастрофе. Говорил он и об отсутствии свобод в СССР". Ну и, конечно, следуя известной формуле: признание обвиняемого - царица доказательств, Гдлян в обвинительном заключении писал: "Хинт в предъявленном ему обвинении признал себя полностью виновным и рассказал, что сознавал политическую и антисоветскую направленность своего сочинения, враждебность его советскому строю". 20 декабря 1982 года обвинительное заключение утвердил тогдашний заместитель Генерального прокурора СССР ОБ.Сорока. Предъявление указанного обвинения повлекло засекречивание дела, что, как заявил на пленуме Верховного суда СССР адвокат, существенно осложнило защиту Хинта".

Дело на бухарских взяточников, которое направил Комитет государственной безопасности в Прокуратуру СССР, требовало политического подхода - так без большого нажима объяснили товарищи с Лубянки. У Гдляна, недавно принятого в аппарат Прокуратуры СССР на должность "важняка" - следователя по особо важным делам, - имелись все качества, необходимые для выполнения такой задачи. По партийному принципиальный. Честный, настойчивый. Опыт работы со взяточниками. И наконец, честолюбие. Что плохого в том, что человек хочет выдвинуться? У провинциалов есть очень хорошая черта - нюх на перспективные дела. Потому-то они и делают карьеру, в то время как москвичи, озабоченные нравственными проблемами, все решают для себя, что такое хорошо, а что такое плохо.

Если Гдлян возьмется за узбеков, можно быть уверенным, что дело раскрутят на славу: политики будет сколько угодно. Если уж он сумел лауреата Ленинской премии упечь на пятнадцать лет, то в Бухаре "могут мазать лоб зеленкой" (чтобы пуля не занесла инфекцию)...

Примерно таков мог быть ход рассуждений высокого чина Прокуратуры СССР, не располагавшего в августе 1983 года теми данными, которыми ныне в изобилии снабдили нас сам Гдлян или его многочисленные сторонники. Из самиздатских публикаций, во множестве появившихся в пору скандала, разразившегося в начале 1989 года, можно почерпнуть некоторые оценки, данные великому следователю его знакомыми и сподвижниками. Иногда и сам он разоткровенничается - так случилось, к примеру, в его интервью журналистам "Комсомольской правды" С.Дмитриевой и А.Новикову (к сожалению, в самиздатской ксерокопии не указано, для какого издания предназначалось интервью). Итак, послушаем Гдляна:

"Еще в Саратовском юридическом институте преподаватели и студенты, близко знавшие меня, нисколько не сомневались в том, что я выберу комсомольско-партийную работу. Да, признаться честно, к следствию я себя не готовил, по крайней мере, психологически... Я был распределен в прокуратуру области, но в то же время меня рекомендовали для работы в обкоме комсомола".

Выходит, следователь он не божьей милостью, куда сподручнее для него было двигаться по номенклатурным ступенькам. Думаю, и этот момент был учтен при назначении Гдляна во главе крупнейшей в истории СССР следственной группы (со временем она разрослась до 209 чел.). Как же так, невеликий спец, без году неделю в союзной Прокуратуре и вдруг - такое ответственное назначение?

А может быть, тут нет никакого противоречия с логикой? Если предположить, что требовались не столько качества криминалиста, сколько политика, способного понять и "выполнить задачу"?

ЗАГОВОР?..

Узбекистан был настоящим заповедником коррупции, она практически не маскировалась. Старая феодальная система "кормления" за счет низов вновь расцвела через полвека ограничений, которые держались, пока основные рычаги власти находились в руках русской бюрократии. Как только выращенные

коммунистическими селекционерами "национальные кадры" приобрели решающую роль в управлении, все вернулось на круги своя.

Таким образом, направив в эту республику какое угодно число ревизоров и следственных групп, можно было пригоршнями черпать компромат на местное руководство...

Пусть читатель не поленится и просмотрит вновь уже прочитанные главы - быть может, он не обратил внимания, что все дела по коррупции в Узбекистане начал КГБ, что все действия бригады Гдяна осуществлялись в служебных помещениях этой организации, что к услугам московских следователей были следственные изоляторы Комитета, оперативники и агентурные материалы, собранные госбезопасностью.

Рашидов, попытавшийся избавиться от андроповского соглашения Мелкумова (он получил назначение на дипломатическую работу), очень вовремя покончил с гобой (и произошло это где-то вдалеке от Ташкента, по слухам, в поезде, учащемся по пустыне, так что ничей назойливый взгляд не мог дознаться, что там на самом деле произошло. С того момента никто уже не был властен помешать московской команде заняться делом.

Разъехавшись по Узбекистану, люди Гдяна принялись вытрясать из больших и малых чиновников многочисленные "аризы" - явки с повинной. День то дня пухли папки с протоколами допросов. Взяткодатели - работники торговли, снабжения, хлопкоприемных пунктов - объявляли, что им приходилось давать мзду за назначение на свои должности. Получив нужные показания, "расколовшихся" с миром отпускали по-прежнему благоденствовать на купленных должностях. Не надо быть провидцем, чтобы понять: бригада нагрнула не для того, чтобы водворить справедливость, главной ее целью было получение компромата.

Чем дольше работали гдяновцы, тем круче становился замах: начав с уровня начальников райотделов внутренних дел, поднялись до первых секретарей областных комитетов партии и министров. В отдельных досье накапливались пикантные документы о секретарях ЦК, о больших московских людях...

Осенью 1983 года в захолустном северном городке Сольвычегодске происходили съемки фильма по моему сценарию, в частности, предстояло запечатлеть на пленку внешний вид и интерьеры знаменитой строгановской церкви, одного из выдающихся памятников русского зодчества. Завершив работу, съемочная группа перебралась в Великий Устюг, туда на несколько дней прилетел и я. Когда зашел разговор о достопримечательностях Сольвычегодска, режиссер картины сказал:

- Кроме знаменитого собора, там есть кое-что еще - дом-музей Сталина!

- Никогда об этом не слышал, знаю, что есть такое заведение в Гори, что было когда-то в Туруханском крае...

- В Сольвычегодске Сталин отбывал свою первую ссылку. Но самое интересное не в этом, - с хитрой улыбкой сказал режиссер. - Этот музей был закрыт в 61-м году, после XXII съезда. А нынешним летом вновь начал функционировать...

- Кто же распорядился?

- Ясно, что не районные и даже не областные власти.

Этот факт высветил для меня многое. То угнетенное состояние духа, в котором я пребывал целый год, получило свое объяснение: мы возвращались в эпоху, к которой, казалось, уже не будет возврата. Как будто ледяным сквозняком потянуло на меня, и этот "бодрящий" холод заставил сознание заработать не в том угнетенно-размагниченном режиме, в который оно погрузилось со времен нового похода "классовых борцов" на культуру. Все события андроповского царствования разом кристаллизировались в единое целое...

Пятнадцатилетнее руководство службой госбезопасности было использовано Андроповым на всю катушку. Проведя репрессии против инакомыслящих, он создал изошренную систему подавления: психтюрьмы, лагеря, ссылка, высылка за рубеж, внедрение агентов в ряды диссидентских кружков, умелое натравливание деятелей правозащитного движения друг на друга. Эти и другие методы обезвреживания потенциально опасных для брежневской системы сил постепенно обеспечили победу КГБ над "идеологическим противником", что сказалось и на росте личного влияния Андропова, на усилении вмешательства политического сыска во все сферы жизни.

Андропов стал для брежневского режима тем же, чем был для сталинского Лаврентий Берия. С годами он даже внешне делался все более похож на него. Но в отличие от своего предшественника, оказался куда осторожнее и предусмотрительнее. Практически повторив все его политические манипуляции в борьбе за верховную власть, Андропов не сорвался в последний момент (хотя и у него была такая возможность), а сумел завладеть призом.

Возможно, если бы Лаврентию Павловичу удалось его замыслы, мы бы тоже читали сегодня мемуары об этом мудром деятеле, о его гуманизме и числили его среди предтеч перестройки. Берия эпохи застоя сподобился такой чести - подите найдите в нашей осмелевшей прессе что-нибудь критическое о нем*. На Брежнева и Щелокова вылиты водопады грязи, изваляли в дерьме и несгибаемого большевика Михаила Андреевича Сулова, а тому, кто был цепным псом брежневщины, кто забивал кляп каждому осмелившемуся критиковать застойные порядки - беззастенчиво кадят те самые писаки, что обличают задним числом теневые стороны ушедшей эпохи. Взять хотя бы публикации приверженцев Гдьяна ДЛиханова ("Огонек") и Е.Додолева ("Смена", "Московская правда") каких только обличений не заслушаешься о баловнях застоя и тут же, в соседнем абзаце почитательное расшаркивание перед светлой памятью душеителя свободы.

По мне, так вороватые Щелоков с Чурбановым куда менее страшны, чем этот огромный сутулый персонаж с тонкими растянутыми в зловещей полуулыбке губами, с холодными изучающими глазами за стеклами очков. Представляю, как он перелистывал очередное дело диссидента, время от времени облизывая языком средний палец (во всяком случае, так он облегал себе перелистывание рукописи поминальной речи, когда впервые предстал в генсекском обличье на похоронах Брежнева). Просмотрев, закрывал папку, снимал очки и вперивал взгляд за окно - туда, где бронзовела шинель Железного Феликса. Он размышлял: дурдом? Потьма? Владимир? А может, просто сунуть к уголовникам по бытовой статье? Вряд ли ошибусь, если предположу, что в этой голове родились сценарии высылки Солженицина и стреноживания Сахарова...

Логично предположить: когда осенью 82-го и зимой 83-го года он вырабатывал тактику концентрации власти в своих руках, ему приходил на память грандиозный спектакль, устроенный Вождем Народов ради поэтапного устранения всех своих истинных или потенциальных противников. Сначала ОГПУ раскрутило дело о вредителях, на следствии и процессах по этим делам выдернули из общей ткани ниточки, ведущие к партийным лидерам, потом, используя убийство Кирова, дернули за эти ниточки и вытащили троцкистов, зиновьевцев, от них выбили показания на "тайно сочувствующих", поволокли по камерам и их, а там уж было делом техники "наколоть" данные на всех более или менее видных людей. Вождю оставалось раскладывать пасьянс из папок с компроматом и решать, когда и какую из них отдать в работу.

Нельзя войти в одну реку дважды. При попытке вновь поставить старый добрый спектакль Андропову тут же устроили бы октябрьский Пленум, как Хрущеву. Бюрократия хорошо запомнила уроки Хозяина. А вот если попробовать по-иному - размотать дела о коррупции...

**Только маленький провинциальный журнал "Литературный Киргизстан" да московская районная газета "Каретный ряд" рискнули опубликовать материалы об Андропове с легкой, даже, я бы сказал, нежной критикой его деяний.*

Сначала в одном регионе - шаг за шагом подбираясь от низовых взяточников, благо их везде полно, особенно в полуфеодальных регионах южнее Кавказа и восточнее Каспия. Сразу везде, конечно, нельзя начать копать - захлебнешься. А вот если взять Узбекистан - тем более, что по этой республике есть богатые агентурные наработки еще со времен схватки под ковром, которую пришлось вести со Щелоковым.

Не могу настаивать, что именно так рассуждал Андропов. Быть может, все вообще не обрело словесной плоти (даже про себя, в мыслях), а родилось как прозрение, как безусловный рефлекс. Но мне приходится идти на домыслы, ибо, как я говорил выше, каждого пишущего о нашей замечательной современности просто вынуждает заниматься гаданием тотальное замалчивание всякой информации о поступках руководства. Не говорю уж: не обременяют себя наши властители мотивированием своих решений. Так что прошу: не обессудьте, если в чем-то ошибусь. С удовольствием возьму свои слова обратно (даже целыми абзацами и главами), если предъявите мне документальное подтверждение моей неправоты.

Нет ничего легче, чем награвить народ на начальство. Ничего нет проще, чем обвинить власть имущего в коррупции - отмыться будет невозможно, оправдания и слушать никто не станет. Такие обвинения удобны тем, что любого можно подвести «под вышку» и заставить оговаривать кого угодно. А если и сажать - то с максимальными сроками, даже Уголовный кодекс менять не придется. Вкатят по "червонцу", по "пятнашке" - это же навсегда для большинства чиновного люда.

Эх, до чего здорово можно будет чесануть весь верхний слой! Никто и не пикнет. А народ от восторга реветь будет: "Смерть взяточникам! Раздавить гидру

казнокрадства!" А самое главное - можно десять лет править, не имея никаких достижений в экономике. За одно то, что позволишь насладиться мезью вчерашним начальничкам, в святые, в правдолюбцы попадешь.

Не этими ли замыслами были продиктованы "сигналы" в прессе, цитированные мной сообщения "В Политбюро ЦК КПСС", речи на Пленуме?..*

Вспомним еще раз, с чего началось в Бухаре: 28 апреля 1983 года сотрудники КГБ на спецмашинах окружили на шоссе "Волгу" начальника ОБХСС Музаффарова и тут же изъяли у него меченые деньги, только что врученные ему пожилой узбекской дамой. Через десять дней в город нагрянули 150 (!) чинов КГБ и перевернули все вверх дном. В следующем месяце КГБ раскрутил дело бензозаправщиков в Ташкенте, главной мишенью которого также оказалось республиканское МВД. В считанные недели подготовив дела, направили их в Прокуратуру, а в Москве незамедлительно сколотили бригаду во главе с Гдяном, который приступил к работе в стенах республиканского КГБ и Бухарского областного управления Комитета.

**М.Восленский, оценивая андроповский период в своей книге "Номенклатура", высказал аналогичное предположение - к сожалению, не развив его, не приведя веских доказательств:*

"Какова цель кампании по борьбе с коррупцией? Преодолеть коррупцию в СССР? Для этого надо делать большие капиталовложения в производство продуктов и товаров для населения, а не проводить кампании. Нет, цель кампании состояла в том, чтобы поднять борьбу против коррупции с милицейского на политический уровень, заставить номенклатурищиков почувствовать, что и они уязвимы".

Полномочия, данные Гдяну, повергли в трепет весь Узбекистан. Он был настоящим диктатором, одного его звонка или записки оказывалось достаточно, чтобы человек вылетел из партии, лишился должности. Апартаменты в цэковской гостинице "Шелковичная", которые занимала глава бригады и его ближайшие сподвижники, стали "отделом кадров Узбекистана", по выражению самого Гдяна. Такое уже было в нашей истории, когда никому не ведомый человек стал повелевать судьбами вельмож и могущественных наркомов. Звали того грозного мужа Николаем Ивановичем Ежовым.

Ныне весьма информированная журналистка О.Чайковская деланно недоумевает на страницах "Литературной газеты": "Общественное сознание с необыкновенной настойчивостью (непонятно, по чьей инициативе и чьим усердием) обрабатывалось в одном-единственном направлении: создавался образ борца за социальную справедливость, который один на один вступил в схватку с коррупцией. Люди верили, и это понятно: они знают, что такое коррупция, разлад экономики, пустые магазинные полки и нищета; им казалось: уж если явился бесстрашный рыцарь, то на него вся надежда. Они знали, что такое коррупция, но не знали, что такое Гдян. И я не могу их в этом винить: кто-то сделал все, чтобы они обманулись.

Я не знаю, кто организовал Гдяну и Иванову мощную поддержку в масштабах страны..." (24.05.89).

Не лукавит ли многознающая публицистка? Может, поверила гдяновскому самиздату, в бесчисленных экземплярах распространяемому Зеленоградским комитетом защиты Гдяна? Процитирую один из таких материалов под названием "Снятое с печати интервью Т.Х.Гдяна, данное им корреспонденту газеты "Социалистическая индустрия" в январе 1989 года":

"Корр. Слушаю Вас и думаю: нечасто даже в эти дни приходится сталкиваться с подобной смелостью и резкостью в суждениях. Невольно приходит мысль о том, что при такой позиции, обрушиваясь на столпы нашей судебной системы, Вы опираетесь на чью -то нешуточную поддержку. Попросту говоря не санкционировано ли это выступление сверху?"

- Нет, не санкционировано. Хотя мы не скрываем, что со стороны руководства партии и страны имеем поддержку и понимание. Это объясняется очевидным фактом: без

кардинального очищения общества от мздоимцев и казнокрадов нельзя не только восстановить авторитет партии и государства, но и всерьез рассчитывать на успех перестройки. Ведь коррумпированные кланы, особенно в центре, являются тем тормозом, который долгие годы останавливал самые прогрессивные начинания. Ведь привилегии должностных лиц, о которых писалось немало в последнее время, ничто в сравнении с многомиллионными "добавками" к зарплате коррумпированных бонз.

Корр. В этом же контексте, видимо, следует рассматривать и выступление Генерального секретаря ЦК КПСС, в котором он призывает к усиленной борьбе с коррумпированными группировками, высказывает озабоченность по поводу разлагающегося общественного организма явления.

- Конечно, тем более, что практика нашей работы говорит о том, что не все на этом участке борьбы за перестройку обстоит благополучно. Есть еще в государстве мощные силы, которые, руководствуясь корыстными интересами, противостоят ее ходу".

На генсека ссылка явно всеу. Да и вообще в этом интервью не почерпнешь конкретной информации - разве что вынесешь стойкое впечатление: Гдлян привык похвалиться высокими связями перед свими подследственными, вот и теперь читателей за подследственных принял. А может, и вправду так считает - как в том анекдоте сталинских времен: "Подследственные - они вон по улице идут..."

Но оставим иронию. Зададимся вопросом: где и когда еще следователь (даже "важняк") получал в свое распоряжение военные вертолеты с подвешенными ракетами, бронетранспортеры, наряды войск КГБ? Все это оснащение предоставила ему ленинская партия? А может быть, стоило все-таки поименно назвать ее могущественных сынов?

Когда весной 89-го года против группы Гдляна началась кампания в прессе, гроза коррупционеров вопрошал (опять-таки в распространяемом зеленоградцами "Несостоявшемся выступлении Т.Х.Гдляна на съезде народных депутатов СССР"):

"...реакция использует верное, давно испытанное оружие - средства массовой информации - которые являются не чем иным, как придатком и служанкой партийно-бюрократического аппарата, монополюно владеющего прессой, радио и телевидением. Каждый из присутствующих народных депутатов дает себе отчет, что без ведома и руководящей роли партийного аппарата не могло быть такого, чтобы почти вся центральная пресса вдруг так единодушно выстрелила бы из всех орудий в одну и ту же точку - следственную группу Прокуратуры СССР..."

Но тогда и рекламная кампания в пользу Гдляна, разом обрушившаяся на читателя годом ранее ("Правда", "Огонек", "Смена", "Московские новости" и т.д., и т.д.) того же происхождения? Выходит, наверху произошла какая-то рокировка, какая-то важная фигура потеряла возможность влиять на "придасток и служанку"? Но вернемся к этому вопросу попозже. Мы еще не разобрались до конца с загадками андроповского периода.

Я сказал выше о запомнившемся мне облизывании пальца новым генсеком. Вряд ли бы я обратил на него внимание - наша партийная элита не из графьев происходит. Но за повадками Андропова я следил во все глаза, ибо в тот же день, когда было объявлено о его восшествии на партийный трон, западные радиостанции извергли на советского слушателя шквал сообщений "из достоверных источников": новый генсек-де является большим меломаном, он, к тому же, страстный любитель тенниса, да и вообще изрядный либерал. Но первые же наблюдения за стилем поведения и манерой речи Андропова заставили меня усомниться, что к руководству пришел человек большой культуры. Разве что - физической...

АРХИВ. II

Прикинув, из какого источника могли быть почерпнуты столь озадачившие меня сведения, я остановился на предположении, что исходили они от человека, десятилетиями специализировавшегося на политическом посредничестве между советской партократией и американскими правящими кругами - Георгия Арбатова. Его тесный союз с Андроповым был спаян и "личной унией": в Институте США и Канады, руководимом академиком (написавшим самостоятельно только одну брошюру), давно приглубила Игоря Андропова, сына шефа КГБ. Арбатов беспрестанно сновал с континента на континент, усердно работая над благопристойным гримом полуазиатского режима, дабы выбить для него то статус наибольшего благоприствования, то ослабить контроль над экспортом передовых технологий и оборудования, то улаживая деликатные вопросы вроде еврейской эмиграции или соблюдения прав человека.

Не знаю, какое участие принимал Арбатов в организации первых Дартмутских встреч, но в эпоху зрелого брежневизма эти никогда не афишировавшиеся посиделки советских и американских лоббистов проходили при деятельном участии академика. На этих-то полугайных сборищах и происходил обмен конфиденциальной информацией, подавались знаки - кому из советских вождей кадить, кого мазать дегтем.* Когда американская пресса и радиовещание принялись в едином порыве восхвалять вчерашнего обер-палача свободы, повеяло атмосферой мирового заговора.

**Информация о заседаниях этого никем не избиравшегося ареопага на закате брежневского царствования пробилась и в советскую печать: "Конференция общественности".*

17 ноября в Москве начала работу очередная XIII Дартмутская конференция представителей общественности СССР и США. В ходе встречи предполагается обсудить актуальные вопросы советско-американских отношений, в том числе перспективы и проблемы ограничения вооружений, предотвращение и урегулирование международных конфликтов". ("Правда", 19.11.81)

"Состоялась конференция

В Москве состоялась XIII Дартмутская конференция. Видные общественные деятели из Соединенных Штатов и Советского Союза приняли участие в переговорах, которые были оценены ими как конструктивные. Встреча прошла в деловой и откровенной атмосфере.

Участники обменялись взглядами по двум вопросам: политические отношения между СССР и США и ограничение вооружений,- предотвращение и разрешение международных конфликтов.

Участники пришли к согласию о важности продолжения усилий, направленных на улучшение американо-советских отношений. Было решено продолжить серию дартмутских конференций.

Следующая XIV Дартмутская конференция состоится в США". ("Правда", 20.11.81)

Вот и все, хотя обсуждались там вопросы, которые впоследствии были включены в повестку дня переговоров на высшем уровне.

Интересно отметить, что приход к власти Черненко (которого, казалось бы, вовсе не знала американская сторона) вызвал столь же массивное извержение негатива. Хотя на совести этого безликого аппаратчика не было такого количества жертв.

Умела агентура Андропова работать - и вне, и внутри страны. Даже в наше просвещенное время, когда гласность, казалось бы, вторглась в зоны, ранее закрытые для критики, все, что связано с "человеком большой культуры", подается в отмывательном стиле. Иная точка зрения почему-то не пробивается на страницы "свободной прессы".

К.Баялинов. "Пятнадцать месяцев Юрия Андропова":

"Стал строже контроль за исполнением принятых решений. Многочисленные бригады ЦК на местах занимались уже не столько инспекцией, сколько оказанием практической помощи. Правда, в реальности получалось, что большой аппарат помогает маленькому аппарату. До первичек, до масс помощь пока не доходила.

По всей строгости стали спрашивать за искажение информации, за приписки. Уходили в прошлое коллективные застоля после пленумов, совещаний и других мероприятий. Поднялись акции на личную скромность и честность.

Тон во всем, по моему разумению, задавал Генеральный секретарь. Человек исключительной личной скромности, порой доходящей до аскетизма, Юрий Владимирович являл собой для нас, молодых аппаратчиков, образец государственного руководителя".

"В короткий, но богатый событиями андроповский период общество еще только пробуждалось. Лучшие умы страны, обходя цензурные Перекопы, доносили свой голос до сознания масс. Егор Яковлев, в ту пору обозреватель "Известий", публиковал острые статьи о нашей истории, вплотную подходя к переоценке старых догм; Леонид Абалкин со страниц "Правды" выступил по проблемам экономических функций государства; Евгений Евтушенко эзоповым языком, не называя имен, излагал свою точку зрения на прошлое страны. Анатолий Аграновский, пережив «Малую землю» и «Возрождение», вновь во всю силу проявил себя блестящим журналистом.

Скоропостижно умер Рашидов. В его бывшую вотчину была послана группа Гдляна. И хотя останки коммуниста-феодала еще покоились у входа в ташкентский музей В.И.Ленина, нити следствия вели к нему, а через него - в самое сердце страны".

"11,12,13,14 февраля страна вновь погрузилась в траур. Позабыв про разногласия, в Москву съехались иностранные гости. Нескончаемым потоком в Колонный зал Дома Союзов шли люди. Потонувший в море цветов, на возвышении покоился Честный Человек. По обе стороны гроба стояли его соратники. Одни в страхе подсчитывали оставшиеся дни своего пребывания у власти, у других рождалась и крепла идея будущей Реформации..." ("Литературный Киргизстан" № 8, 1989)

Трудно выдавать черное за белое. Вот и оборачивается каждое слово двусмысленностью. Даже протитуированный журналист Аграновский, по утверждению К.Баялинова участвовавший в сочинении "эпохальных трудов" Брежнева, и тот попал в первые ласточки демократизации! А чего стоит доблесть

Евтушенко, который, не называя имен, излагал свою точку зрения? И в чем же видится автору смелость Абалкина - что он выступал в "Правде" по проблемам?... Ей богу, желания выдать похвалу куда больше, чем оснований для такой похвалы...

С.Микоян. "Именно Андропов сделал первые шаги к преодолению застоя...":

"Так случилось, что мне довелось немного знать и Андропова. Конечно, бегло, скорее поверхностно. И все же достаточно, чтобы не согласиться с теми пассажами книги (М.Восленского "Номенклатура" - СП.), где говорится о коварстве, холодности, карьеризме и тому подобных качествах его. Напротив, у меня сложилось твердое мнение о его честности, скромности, интеллигентности, человеческой доброжелательности. Мнение это базируется также на услышанном от других людей, находившихся в самых разных отношениях с Ю.В.Андроповым: начиная с моего отца А.И.Микояна, для которого тот по партийными государственным меркам был нижестоящим работником, и кончая, например, скульптором Эрнстом Неизвестным, к судьбе которого КГБ (руководимый Андроповым) имел вполне определенное отношение".

"Конечно, мне почти ничего не известно о работе Андропова в КГБ. Знаю только от друзей, работавших там, что он требовал от всех работников Комитета ответственности, честности, высокой партийности. Уверен, что далеко не всегда этого добивался. Но без него было бы много хуже". ("Каретный ряд" № 1, 1990)

Конечно, свидетельство сына сталинского подручного, у которого у самого были руки в крови, не многого стоит. Да и какую цену имеют сообщения о личной скромности того или иного деятеля? Сталин тоже не раскатывал на "мерседесах", как Брежнев и Щелоков, и френчик носил весьма непрезентабельный. Да и Гитлер был бессребренником и, к тому же, вегетарианцем...

Важно другое - влияние повсюду насажденных Андроповым людей и по сей день таково, что его по-прежнему окружает зона почтительного молчания. Уверен, если бы не досадная для них критика андроповского ведомства, покойного вождя надули бы до размеров добренького Деда Мороза, каких лепят под Новый год из снега и льда на главных площадях сибирских городов. Не исключая, что мужественные ревнители памяти застойного Берии еще вынашивают горделивый замысел опровергнуть русскую поговорку про черного кобеля, которого не отмоешь добела...

Посмотрите на таких баловней эпохи застоя как Арбатов или Генрих Боровик, западные средства массовой информации неоднократно заявляли о его связях с КГБ еще со времен Андропова - все помнят, как звенел, как дрожал его голос во время телерепортажей и выступлений, посвященных историческим вояжам и мудрым указаниям товарища Леонида Ильича. Пожалуй, их не меньше, чем Чурбанова, обогрел Леонид Красное Солнышко. А результаты на финише совсем иные. Хотя, если бы не тесная связь с КГБ, Арбатову, возрадившему у себя в институте не мифического "сотрясателя основ", а настоящего американского шпиона (арестован и судим уже при перестройке), вряд ли бы сошла ему с рук такая душевная широта. Незадачливый брежневский зятек, небось, по сей день недоумевает, почему не видит на соседних нарах многих из тех, кто чокался с ним на бесчисленных приемах времен пятижды Героя...

Учредители недолговечного культа Андропова (о нем даже часовой фильм успели сработать благодарные душеприказчики) и по сей день не прочь представить его в виде Иоанна Крестителя нынешней перестройки. Не от них ли тянутся те веревочки, что заставили заливать все колокола во славу Гдьяна?

САМОУБИЙЦЫ

"Узбекское дело" по многим показателям было рекордным. И по размаху хищений. И по суммам, изъятым у арестованных. И по числу следователей, занимавшихся распутыванием мафиозных связей. Еще один рекорд - количество трупов, появившихся в ходе деятельности бригады Гдьяна: одни, как говорят обвинители следователей, были доведены до смерти методами психологического террора, другие покончили с собой.

Насчет воздействия допросов и различных форм давления можно спорить - поди докажи, от чего скончался человек, весьма возможно, вызов в КГБ к Гдьяну или Иванову просто совпал с обострением болезни. Но вот пять смертей не вызвали сомнения ни у кого из писавших или говоривших о деятельности Гдьяна.

Первым был М.Мирзабаев, брат председателя Бухарского обпотребсовета. После допроса 6.07.84 в Бухарском управлении КГБ, где располагалась следственная группа Гдьяна, он был заперт на ночь в одном из помещений второго этажа, а когда наутро служащие пришли на работу, он лежал во дворе мертвый. Обследование

места происшествия показало, что Мирзабаев выбросился из окна и разбился насмерть. Такова официальная версия. После этого по указанию Генерального прокурора Рекункова было проведено расследование обстоятельств гибели свидетеля, проводились вскрытие, допрашивались все, кто в той или иной мере соприкасался с ним накануне гибели. В результате появилось постановление о прекращении дела в связи с доказанностью добровольного самоубийства.

Вторая смерть последовала 15 августа того же года. Застрелился министр внутренних дел Узбекистана К.Эргашев.

Третьим был Р.Гаипов, бывший первый секретарь Кашкадарьинского областного комитета Компартии Узбекистана. В марте 1985 года следственная группа во главе со своим руководителем прибыла в Хорезмскую область, чтобы "взять" его в собственном доме. Обстоятельства смерти почтенного орденоносца описаны в журнале "Смена" Е.Додолевым, особо приближенным к особе Гдляна: "И вот уже битый час сидели необычные гости из следственной группы Прокуратуры СССР (представились они, кстати, работниками республиканской прокуратуры, благо южное солнце их уже надежно выему шило да и языком овладели за годы работы здесь вполне сносно) в "ханском дворце", пили отборный зеленый чай и вели неторопливую беседу с Гаиповыми... Услышав крик из спальни, находившиеся в гостиной бросились туда. Увы, они опоздали: до того, как удалось вырвать восточный кинжал из окровавленной руки Гаипова, тот успел исполосовать свое привыкшее к холе тело. "Уходите, - хрипел умирающий. "Вы виновны!" - кричали жена и дочь. Тринадцать ножевых ранений..."

К тому, какие тайны унес с собой самоубийца, я еще вернусь..."

Четвертым стал Г.Давыдов, 1-й заместитель министра внутренних дел Узбекистана. Находясь в госпитале, 17 мая 1985 года он решает свести счеты с жизнью, тем более, что по счастливой случайности у него оказался с собой пистолет. (А может быть, у них так принято - даже на больничной койке не расставаться с оружием?). Тот же пытливый Е.Додолев высказался на этот счет в уже цитировавшемся очерке в "Смене":

"Кто подкинул пистолет бывшему первому заместителю министра внутренних дел Узбекистана? Ведь и руководителям МВД не положено лежать в госпитале вооруженными. А Г.Давыдова нашли на больничной койке с тремя пулевыми ранениями в голову. Самоубийство? Может быть, может быть... Я не медик... А медики говорят: всякое случается. Такие дела".

Пятым последовал в мир иной еще один милицкий чин - начальник Орджоникидзевого РОВД г.Ташкента полковник А.Хаджимурадов. 23 декабря 1985 года он был вызван через оперативника КГБ к следователю А.Карташьяну - одному из доверенных людей Гдляна. После двухдневных допросов Хаджимурадов был обнаружен в петле. В протоколе осмотра трупа, кроме следов асфикции, то есть удушения, были указаны многочисленные кровоподтеки, нанесенные тупым предметом. Допрашивавший покойного Карташьян получил среди подследственных кличку "Костолом" - те, кому пришлось побывать в здании КГБ Узбекистана, где размещалась штаб-квартира Гдляна, с большим удивлением узнали впоследствии из очерка Е.Додолева о его научных склонностях: "Один из старейшин следствия, Альберт Карташьян, занимается на общественных началах научной систематизацией результатов расследования".

Каждое из этих самоубийств вызывает массу вопросов. В случае с Мирзабаевым: каким образом постороннего человека могли оставить на ночь в одном из кабинетов КГБ - в эту организацию без пропуска и всяческих мер контроля не войдешь. Оставили вместо того, чтобы отправить в камеру. Е.Додолев картинно изобразил момент самоубийства: "Что заставило взрослого, серьезного мужчину, взрезав разбиваемым стеклом вытянутые вперед руки, безрассудно шагнуть в оконный проем навстречу нагому асфальту?" Но если вспомним: сей безрассудный шаг был сделан из окна второго этажа, то будем вправе усомниться, что таким образом Мирзабаев мог покончить с собой. Конечно, бывают случаи, когда с кровати падают и насмерть зашибаются. Проворный журналист гораздо лучше прояснил бы суть дела, если бы рассказал, какие показания, данные под диктовку Гдляна, подписал Мирзабаев. Только почти пять лет спустя Тельман Хоренович достал их из-под спуда. Оказывается, человек, найденный мертвым во дворе Бухарского КГБ, сообщил перед смертью некоторые факты о связях с мафией тогдашнего второго лица в партийной иерархии КПСС - члена Политбюро М.Горбачева. Трудно отделаться от подозрений, что после того, как подписанный компромат оказался в соответствующей папочке, кто-то мог распорядиться об устранении свидетеля, дабы не проболтался до поры до времени.

Надо вспомнить, что происходило в тот момент в Кремле. Первое лицо - К.Черненко - начал потихонечку "задвигать" фаворитов Андропова. В частности, второй секретарь ЦК М.Горбачев оказался под сильнейшим прессом. Вот как описывает политическую ситуацию второй половины 1984 года комсомольский

функционер К.Баялинов: "Анализ прессы, коллективных фотографий, дедуктивные поиски позволяют сделать вывод: М.Горбачев шел к избранию не совсем просто. С правого ближнего к генсеку места он то удалялся на третью позицию, то на пятую (парад 7 ноября 1984 года). При этом сие - не кажущаяся мелочь.

На языке номенклатуры это означает реальную расстановку сил, направление течений, огибающих губительные мели и опасные рифы. Это - борьба". ("Литературный Киргизстан" №9,1990)

Попробую предложить психологическую реконструкцию тогдашних соображений главы следственной группы. Гдлян, сам принадлежавший к андроповским ставленникам, к тому же выполнявший весьма деликатное поручение, почувствовал запах паленого. Усиление брежневистов ничего хорошего не сулило ему лично, тем более, что были еще живы люди, знавшие тайные пружины борьбы между карательными службами в конце 1981 - начале 82-го года. Верным знаком для Гдляна в этой обстановке могло оказаться падение акций Горбачева. В такой ситуации завладеть компроматом на него и представить соответствующему начальству было наилучшим способом для того, чтобы завоевать доверие нового вождя и отряхнуть со своих ног прах андроповщины. Информация, которая была подписана Мирзабаевым, могла дать Черненко серьезный козырь в борьбе за очищение партийно-государственных структур от сторонников Андропова.

Но последуем дальше. Самоубийство К.Эргашева преподносилось в прессе весьма своеобразно. Министр, по намекам уже цитировавшегося Е.Додолева, был предупрежден о готовящемся аресте. Но ведь это еще не повод для того, чтобы стреляться. В "огоньковской" публикации "Кома" (автор Д.Лиханов) приведена предсмертная записка Эргашева: "Я абсолютно одинокий человек, сын бедняка, оклеветан Рашидовым и его шайкой. Я, честный член КПСС, марксист-ленинец - умер. Да здравствует КПСС! Марксизм-ленинизм! Да здравствует советский народ! Кудрат". Никаких разрывов текста, никаких отточий - впечатление такое, что документ приведен полностью. На деле же автор откровенно антиэмвэдэшного материала скрыл от читателя главное. Записка министра читается так: "Я сын бедняка, не имеющего абсолютно никаких покровителей, жертва Рашидова, его шайки Мелкумова - КГБ, Яхьяева, Архангельского Г.В., которые постоянно организовывали клевету на меня. Находящиеся у них на побегушках Алимов Музаффар, Таджиханов Убайдулла расходовали большие деньги, чтобы организовать разную путанную клевету на меня. Этим же занялся близкий друг Мелкумова - замминистра МВД СССР Лежепевков и начальник УК МВД СССР Мельник. Таким образом погиб истинный член КПСС, марксист-ленинец. Да здравствует КПСС, марксизм-ленинизм. Да здравствует советский народ..." Выходит, смерть его была непосредственно связана с конфликтом между МВД и КГБ - недаром он жалуется на притеснения старого кагэбиста ВЛежепекова, назначенного заведовать кадрами бывшей епархии Щелокова.

Третье самоубийство - наиболее подозрительное. Хотя летописец Гдлян Додолев и грозился вернуться к тайнам, которые унес с собой Р.Гаипов, обещания своего он не сдержал. Придется мне попытаться реконструировать происшедшее, а заодно и высказать ряд соображений.

Самое интересное, что разбушевавшийся самоубийца (13 ран!) не оставил на теле так называемых наколок. Криминалисты утверждают, что в подобных случаях покушающийся на собственную жизнь обязательно примеряется к удару, ища наиболее уязвимое место. Острие ножа причиняет коже мельчайшие ранения - по ним-то и устанавливается факт самоубийства.

И так, пока Гдлян с соратниками попивали чай в соседней комнате (кстати, на подобные задержания глава следственной группы никогда не ездит, это дело милиции и оперативников КГБ), бывший первый секретарь обкома получил тринадцать смертельных ударов и скончался.

Вопрос: почему именно он решил таким образом скрыть концы, ведущие "наверх"? Так, во всяком случае, утверждают верные Гдляну борзописцы. Почему десятки других секретарей обкомов не последовали его примеру, почему не отправили себя к праотцам более высокопоставленные лица - секретари ЦК, министры?

Ответ, на мой взгляд, прост. Рузмет Гаипов был тем человеком, который способствовал назначению Эргашева с должности начальника Кашкадарьинского областного УВД на пост министра внутренних дел. Эргашев был его человеком и наверняка мог посвятить его в обстоятельства борьбы между МВД и КГБ.

Еще одним человеком, вскоре после Гаипова оставившим сей мир с тремя Пулевыми ранениями в голову, был первый заместитель К.Эргашева Г. Давыдов. Не такая уж дерзость предположить, что и он знал кое-что о темных делишках КГБ.

Представим себе ситуацию, в которой происходят эти три само(?)убийства. Андропова нет, запущенная им команда начинает работать без прикрытия. Могут

последовать весьма неприятные разоблачения. В устранении трех наиболее посвященных в тайную войну лиц были заинтересованы не столько взяточники, сколько ведомство, желающее похоронить концы, не дать выйти наружу тем секретам, которые могли бросить тень на КГБ как орудие установления репрессивного режима.

Мелкумов, шеф узбекской госбезопасности, еще в 1983 году был отправлен на дипломатическую работу, а потом поспешно скончался. Так что и с этой стороны концов искать было не у кого.

В Москве целых десять месяцев после смерти Андропова оставался весьма неудобный свидетель, который обладал, пожалуй, самой щекотливой Информацией, но и он вовремя покончил с собой - 13 декабря 1984 года. Этим свидетелем был Щелоков.

Многочисленный мной Е.Додолев, похоже, кое-что пронюхал об обстоятельствах смерти Щелокова - иначе зачем бы ему понадобилось подтасовывать факты. Вот соответствующий пассаж из его статьи в "Смене":

"Шестого ноября бывший министр внутренних дел СССР Николай Щелоков был лишен воинского звания генерала армии (из состава ЦК он был выведен ранее), а тринадцатого декабря экс-министр, надев парадный мундир (при всех орденах и медалях?) и выпив кофе с коньяком, выстрелил из охотничьего ружья себе в голову... Щелоков, за которого взялись при Андропове, после смерти был "реабилитирован". С благословения нового генсека. Черненко же устроил вновь обласканного генерала на почетную должность в Министерство обороны. Когда и этот покровитель, прозванный в народе "тенью Брежнева", почил в бозе, Николая Анисимовича "вновь обидели", понуждая вернуть государству украденное (в том числе и из Гохрана). И брежневский визирь, распусшив слух о "несправедливой травле былыми завистниками", ушел в лучший из миров, умолчав при этом о многих "соратниках", также разворовывавших страну".

Читателю преподнесен букет беспардонного вранья. Взять хотя бы утверждение о том, что "покровитель... Почив в бозе". Генсек пережил Щелокова на три месяца, таким образом, возвращение сокровищ "брежневским визирем" произошло все-таки именно при Черненко. Я уж не говорю про "показушный акт" - каким бы казнокрадом ни был Щелоков, о смерти такое может написать разве что профессиональный исполнитель приговоров.

Разберем теперь логику поступков Щелокова. Ежели он не порешил себя при Андропове, хотя пример ему в том подала жена* то при Черненко, будучи "обласканным",

**Это, впрочем, можно приписать, впечатлительности ее неуравновешенной поэтической натуры. Говорят, что помимо коллекционирования бриллиантов, Светлана Щелокова писала стихи и публиковала их под псевдонимом в московских изданиях.*

ему и вовсе не резон было отправляться на тот свет. А вот для тех, кому хотелось, чтобы он замолчал навсегда, это было бы весьма кстати - по тем же основаниям, что и в случаях Эргашева, Гаипова и Давыдова.

Четыре главных фигуранта недавней тайной войны с КГБ были мертвы. Но запущенная на полные обороты машина следствия продолжала выдавать все новые аризы, десятки и сотни арестованных ждали своей участи. В этих условиях необходимо было найти какое-то оправдание небывалой кампании. Однако подоспевшая к стати смерть Черненко на время сняла необходимость в таких разьяснениях. Лишенная стратегической цели группа продолжала сажать и допрашивать, росли папки бесконечного дела. Весна сменялась летом, лето сменялось осенью, счет следствия пошел на годы. Многие из арестованных ожидали суда по четыре-пять лет.

Самоубийство ташкентского полковника Хаджимурадова вряд ли было связано с той волной смертей, которая накрыла высоких чинов МВД, прикосновенных к щелоковско-андроповской междоусобице. Но оно отразило нарастание бессмыслицы в действиях группы Гдяна. Выбивание показаний превратилось в самоцель, брали уже ненужных следствию людей, хотя главная задача была снята новым политическим развитием в стране. Произошло то, что знакомо нам по многим ситуациям в фантастических романах и фильмах: сотворенный для решения определенной задачи биоробот остался из-за смерти своего творца предоставленным самому себе, и заложенная в нем программа требовала все новых и новых действий. Однако обреченный на механическое повторение чужого замысла, не способный к творческому его развитию, биоробот превратился в орудие тотального истребления.

С уходом Андропова с политической арены группа Гдяна уподобилась потерявшему управление биороботу.

Пока мне не предложат иного, более убедительного объяснения происшедшего в 1984-1985 годах, я останусь при своей гипотезе...

ХРОНИКА. IV

- 1989 год. Январь
выдвигается
- На ряде предприятий г.Зеленограда Т.Гдлян кандидатом в народные депутаты СССР по Тушинскому территориальному округу (в него входят Тушинский район Москвы и Зеленоград),
- Январь, 11 Арест В.Смирнова, бывшего 2-го секретаря ЦК Компартии Молдавии.
- Февраль Журнал "Новое время" (№ 6) опубликовал статью Т.Гдльяна и Н.Иванова "Следствие о приговоре", в которой опротестованы результаты "чурбановского процесса. Статья перепечатана другими изданиями. 21 Т.Гдлян зарегистрирован в качестве кандидата в народные депутаты СССР.
- Март, 26 Т.Гдлян одержал победу на выборах, набрав 86% голосов избирателей.
- Апрель, 1 "Известия" опубликовали письмо отставного генерал-майора Ф.Титова, в котором высказана претензия к следствию по делу Чурбанова, ибо оно основывалось не на объективных доказательствах, а на показаниях обвиняемых. 8 Допрос И.Усманходжаева Генеральным прокурором Сухаревым, заместителем Генерального прокурора Васильевым, прокурором отдела Прокуратуры СССР В.Титовым. Усманходжаев заявил, что претензий к следствию нет, со следователями взаимопонимание. "Правда" опубликовала сообщение о Пленуме Верховного суда СССР, который принял решение о посмертной реабилитации эстонского ученого И.Хинта и вынес частное определение в адрес Генерального прокурора СССР о нарушении законности, допущенном при расследовании дела Хинта следственной бригадой во главе с Гдлянном. Т.Гдлян объявил на пресс-конференции о создании комиссии Комитета партийного контроля при ЦК КПСС для расследования злоупотреблений следственной бригады, работавшей в Узбекистане под его руководством.
- Май, 3 На встрече московских депутатов с членами Политбюро выступил Т.Гдлян. Он заявил, что под видом рассмотрения жалоб комиссией Комитета партийного контроля ведется развал следственного дела. Им были названы лица из высшего руководства страны, причастные к коррупции: В.Теребилов, А.Рекунков, М.Соломенцев. Гдлян просил М.Горбачева о личной встрече.
- 4 Решением Генерального прокурора СССР Гдлян отстранен от руководства следственной группой. 10 Встреча Гдльяна с Горбачевым в присутствии члена Политбюро В.Чебрикова, председателя Совета Министров Н.Рыжкова, секретаря ЦК КПСС А.Лукьянова и Генерального прокурора СССР А.Сухарева. Выступая на предвыборных теледебатах в Ленинграде, Н.Иванов заявил, что в материалах дела о коррупции фигурируют бывшие члены Политбюро Романов и Соломенцев, бывший председатель Верховного Суда СССР Теребилов и член Политбюро ЕЛигачев. "Правда" сообщила о провокационных заявлениях следователей Гдльяна и Иванова, о нарушениях законности, допущенных политическими руководителями страны.

- 16 Создан Зеленоградский комитет защиты Гдяна.
- 19 Коллегия Прокуратуры СССР проголосовала за продление содержания В.Смирнова под стражей на полтора месяца.
- 22 Прекращено уголовное дело в отношении В.Смирнова.
- Сентябрь, 7 Верховный суд СССР приговорил бывшего председателя Совета Министров Узбекистана Н.Худайбердыева к 9 годам лишения свободы за взятки. в днк г>20'« Пленум ЦК КПСС вывел из состава Политбюро и освободил от обязанностей секретаря ЦК В.Чебрикова.
- Декабрь Прокуратура СССР прекратила уголовное дело против Н.Раджабова за отсутствием состава преступления.
- 14 Опубликовано сообщение о приговоре Верховного суда Казахской ССР бывшему 1-му секретарю Навоийского обкома Компартии Узбекистана В.Есину за взяточничество: шесть лет лишения свободы с конфискацией имущества.
- 27 Верховный суд приговорил И.Усманходжаева за взяточничество к двенадцати годам лишения свободы с конфискацией имущества.
- 1990 год.
- Январь, 9 На митинге в Тушино Гдян заявил, что необходимо привлечь к уголовной ответственности Горбачева за взятки.
- 15 Верховный суд СССР вынес оправдательный приговор по делу Р.Абдуллаевой, бывшего секретаря ЦК Компартии Узбекистана.
- Февраль, 14 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР вынесла приговор бывшему Председателю Совета Министров Каракалпакии, бывшему секретарю ЦК Компартии Узбекистана Е.Айтмуратову: десять лет с конфискацией имущества.
- 17 В интервью "Рабочей трибуне" сопредседатель депутатской комиссии по делу Гдяна Р.Медведев заявил, что в "узбекском деле" имеются показания, не подкрепленные уликами, против членов Политбюро А.Яковлева, Г.Разумовского, М.Горбачева и члена ЦК КПСС Б.Ельцина.
- Май, 9 Опубликовано сообщение "В Прокуратуре СССР", в котором говорится о том, что Т.Гдян и Н.Иванов продолжают выступать на митингах и в средствах массовой информации с утверждениями о причастности М.Горбачева к корыстным злоупотреблениям и покровительству мафии. При этом они ссылаются на материалы "северокавказского" дела.

ЛИГАЧЕВ. II

Получив назначение на пост руководителя орготдела ЦК КПСС, который со времен Сталина считается основным рычагом проведения кадровых замыслов генсека, Егор Кузьмич, разумеется, был наделен особыми правами (вспомним его чреватый печальными последствиями разговор с Рашидовым). Так что причислить его к андроповской гвардии мы имеем полное основание.

За время 15-месячного пребывания Андропова у власти явно обозначилось семь фаворитов. На первом послебрежневском Пленуме ЦК в Политбюро был введен Г.Алиев, старый кагэбист из Азербайджана.* Он перебрался в Москву и получил портфель 1-го заместителя Председателя Совета Министров. На том же Пленуме был избран секретарем ЦК Н.Рыжков, до того работавший в Госплане. На

следующем Пленуме (июнь 1983 года) секретарем ЦК был избран член Политбюро Г.Романов, перед этим возглавлявший Ленинградский обком. Кандидатом в члены Политбюро был избран В.Воротников, незадолго перед тем возвращенный с Кубы, где он исполнял обязанности посла (почетная ссылка), и успевший меньше года поруководить Краснодарским обкомом. На последнем андроповском Пленуме (декабрь 1983 года) кандидатом в члены Политбюро стал председатель КГБ В.Чебриков, а Е.Лигачев - секретарем ЦК. Кроме того, член Политбюро М.Горбачев передвинулся при Андропове с места секретаря по сельскому хозяйству на место третьего лица в партии, которое при Брежневке занимал Кириленко.

**Уместно поставить вопрос: за какие заслуги Алиев с такой поспешностью был возведен на партийный Олимп? Может быть, за предоставление компромата на Цвигуна, который когда-то служил в КГБ Азербайджана? В момент высшего напряжения андропово-щелоковской войны это могло быть неоценимой услугой, в конечном счете обеспечившей Андропову победный финиш.*

Последний свой выход перед публикой в середине августа 1983 года Андропов осуществил в сопровождении Горбачева и Романова. Символично, что это произошло на встрече с ветеранами КПСС - Андропов как бы представлял собранию старейшин двух своих преемников. Неудивительно, что именно между ними и произошла схватка за власть при дележе черненкового трона. Это показывает: в группе выдвиженцев Андропова не следует искать единства.

Приближая кого-то, генсек вовсе не заинтересован, чтобы этот протее в чем-то спелся с другими. Для него главное - обеспечить личную преданность себе каждого из них и в то же время постараться сгладить между собой. Нормальный азиатский принцип. Когда в 1983 году читать престижный доклад по случаю очередной годовщины Октябрьского переворота было поручено Г.Романову, это еще больше взволновало наблюдателей советской политической сцены. Ибо в отсутствие явно угасавшего где-то на больничной койке вождя такое появление на Трибуне № 1 воспринималось как серьезная заявка на дальнейшее продвижение к верхушке пирамиды власти.

Так что видеть в людях Андропова единую команду не следует - сегодня от нее остались только Горбачев с Рыжковым, всех остальных соратников проводили на заслуженный отдых.

На первом этапе для Андропова главным было ввести в состав руководства как можно больше антибрежневистов. Но на некоторых из новичков он явно делал личную ставку.

Если Егору Лигачеву было доверено осуществление заветной операции генсека -развертывание борьбы с коррупцией в Узбекистане, это значит, что он был посвящен в какие-то важные замыслы. Такую масштабную акцию нельзя было повернуть и без помощи Председателя КГБ. Следовательно, вторым конфиденнтом должен был стать В. Чебриков. То, что Гдлян впоследствии избрал одного из них объектом нападок, имеет свою логику - в среде соучастников тайных политических маневров очень часто возникают острые междоусобицы, приводящие к катастрофе всех членов команды.

Не надо удивляться и непримиримым столкновениям вчерашних патронов и их протее - рост политических амбиций последних часто опрокидывает расчеты первых опереться на "своего" человека. Так случилось после выдвижения Ельцина Лигачевым. Этот же сюжет прослеживается и в сменах курсов наследников - если не принимать всего этого во внимание, невозможно будет понять, почему выдвинутый закручивателем гаек Андроповым Горбачев не последовал его дорогой, но круто изменил курс государственного корабля на 180 градусов...

Гдлян, начавший работу в Узбекистане в сентябре 83-го года, несомненно, стал тогда же известен Лигачеву. В перспективе планируемого похода на коррупцию дело Музаффарова, "раскрученное" КГБ, представлялось одним из самых выигрышных. К тому времени в разных регионах страны начали аналогичную работу около тридцати следственных групп. Но суммы одновременных изъятий - более одного миллиона рублей у одного человека - сразу выделили бухарское дело, как наиболее выигрышное для целей пропаганды. Не этим ли объясняется тот факт, что огромную следственную бригаду, работавшую с бухарцами, интересовали прежде всего эффективные изъятия: они прилежно фотографировались, приглашались журналисты, велась видеосъемка, но до поры до времени этот "взрывной" с точки зрения пропагандистского эффекта материал накапливался. Думаю, что организованный четырьмя годами спустя фейерверк театральных эффектов

вокруг "узбекского дела" планировался уже тогда, и только смерть Андропова внесла коррективы в этот замысел, сильно отсрочив его исполнение...

К тому моменту, когда Лигачев в сопровождении группы сотрудников орготдела ЦК КПСС прибыл в Ташкент для участия в XVI Пленуме Компартии Узбекистана, обстановка существенно изменилась. В конце июня 1984 года, будь жив Андропов, выступление Егора Кузьмича могло быть куда более кровавым. Но поскольку новый генсек явно не благоволил начавшейся кампании по разоблачению коррупции (может быть, почуял нюхом старого аппаратного интригана, что здесь скрывается нечто большее?), готовившиеся разоблачения пришлось несколько отложить. Зеленый пятитомник видного писателя Ш.Рашидова украшал полки всех магазинов, пылился в газетных киосках (хотя и тираж-то был не так уж велик). У памятника дважды Герою Социалистического Труда регулярно обновлялись свежие цветы. В захолустных городах Узбекистана нищие театры еще доигрывали инсценировки "Могучей волны" и "Победителей" под шум самолетов, посыпавших гербицидами посеы хлопчатника, вплотную подступавшие к жилым кварталам. А писатель-коммунист Виталий Озеров блаженно клевал носом на пленуме Союза писателей и то ли видел сон, то ли наяву слышал, как писатель-коммунист Юрий Суровцев, ничего не подозревавший о деятельности Гдяна и его команды, развивал свои любимые мысли о диалектическом сочетании национального и интернационального на примере сочинений Ш. Рашидова.

И все же Лигачев обозначил в своем выступлении и главных виновников беспорядков в республике, задев самого Рашидова, назвал основные цифры и факты, которые по сей день служат отправной точкой во всех публикациях по делу Гдяна. Когда через полмесяца он выступил перед работниками аппарата ЦК КПСС, то сказал между прочим следующее:

"В социальной жизни республики широко стали распространяться явления и процессы, чуждые нашему обществу. Выявлены крупные нарушения правопорядка и социалистической законности, такие опасные явления, как хищения социалистической собственности, приписки, взяточничество. Причем разворовывали народное добро сотнями тысяч, взятки брали десятками тысяч рублей. Причиненный государству ущерб исчисляется миллионами рублей.

В производстве хлопка, по данным республиканских государственных учреждений, ежегодно приписывалось свыше 500 тысяч тонн сырья...

Словом, стало совершенно очевидным, что многие стороны деятельности Узбекской партийной организации и ее бывшего руководителя Рашидова нуждаются в серьезной переоценке, необходимы крупные меры по оздоровлению социально-экономической обстановки в республике, устранению серьезных недостатков в организаторской и политической работе...

Многие органы правопорядка, народного контроля, финансов оказались засорены случайными людьми. Министерство внутренних дел длительное время возглавляли нечистоплотные люди, ряд работников административных органов брали взятки. К примеру, среди арестованной в Бухарской области группы преступников оказались восемь руководящих работников областного управления внутренних дел во главе с его начальником".

Следовательно, материалы по Бухаре находились в работе у секретаря ЦК. Легко предположить, что вся новая информация по делу поступала именно к нему. Андроповский сценарий продолжал бурно развиваться: расширяющиеся круги уже захватили огромное количество важных персон. В том выступлении 9 июня 1984 года, которое я процитировал, есть и такие слова:

"...вошло в практику подбирать людей на руководящие посты по признаку родства, землячества, личной преданности. Естественно, это не могло не привести и привело к созданию обстановки всепрощения, круговой поруки, взяточничеству. Причем этим грязным делом занимались даже первые руководители республики и областей".

Следовательно, меньше чем через десять месяцев со дня начала работы Гдяновской группы вся высшая партийная номенклатура Узбекистана была что называется на крючке. А за день до речи Лигачева перед аппаратчиками на Старой площади, во дворе Бухарского КГБ люди Гдяна засвидетельствовали факт самоубийства М.Мирзабаева, и руководитель группы закрыл в сейф заветную папку с компроматом на второе лицо в партии. Был достигнут запланированный пик, и, будь жив Андропов, дальнейшее развитие событий могло приобрести не столь мирный характер...

То, что поведал Лигачев аппарату ЦК, должно было вызвать многочисленные вопросы. Почему секретарь ЦК обвинил столь высоких деятелей еще до суда • выходит, знаком с какими-то "убойными" материалами следствия? Ни один из первых секретарей обкомов, а тем более республиканского ЦК не арестован - и во всеуслышание говорится о взяточничестве первых руководителей?

Допускаю, что после такого выступления мог произойти неприятный разговор у генсека, который выразил свое непонимание идеи столь глубокой перетряски номенклатуры.* Во всяком случае, в промежутке между июльским выступлением Лигачева и смертью К.Эргашева 15 августа могло случиться нечто такое, после чего исчезновение некоторых информированных лиц было предопределено. Если не сам Черненко, то искушенный в любых маневрах аппарат мог озадачиться вопросом, какова цель этой форсированной кампании по борьбе с коррупцией. А сформулировать свои подозрения и ненавязчиво внедрить их в сознание генсека было делом несложным.

**О том, что тучи начинали сгущаться над устроителями новой ежовщины, Лигачев проговорился, выступая на XIX партконференции: "Есть люди в нашем обществе, и это правда, которые незаслуженно пользуются льготами, допускают казнокрадство. И тут надо наводить твердый порядок."*

И мы начали эту работу. При этом начали за год, за полтора до апреля 1985 года, в частности по Узбекистану, Краснодарскому краю. Начали еще тогда, когда у руководства страной были другие люди. Надеюсь, понятно, что в ту пору у тех, кто этими делами занялся, было очень опасное положение. Можно было в любой момент оказаться в лучшем (!) случае послом в отдаленной стране".

Видимо, с лета 84-го года до смерти Черненко в марте 85-го года активность Лигачева на узбекском направлении несколько поутихла. Об этом можно судить по вопросу, заданному Егору Кузьмичу одним из делегатов Узбекистана на XXVIII съезде КПСС -основной поход против местной номенклатуры обозначен датами 1985-1988. "Правда" этот диалог: Считаете ли вы себя ответственным за допущенные грубые извращения кадровой политики в Узбекистане в 1985 - 1988 годах и что, по вашему мнению, нужно делать для того, чтобы подобное никогда не повторилось?"

Лигачев Е.К. "Если вы считаете, что замена многих тех, кто занимался коррупцией, взяточничеством, злоупотреблениями, является ошибкой в кадровой политике, то я это отвергаю решительно. И считаю своей честью, что вместе с узбекскими коммунистами, по поручению Политбюро и Секретариата Центрального Комитета, вместе с группой работников Центрального Комитета партии и со многими областными, краевыми организациями России, Украины, Белоруссии вел интенсивную работу по оздоровлению обстановки в Узбекистане. Считаю, что мы делали это абсолютно правильно".

Второй эпизод во время отчета Лигачева перед съездом партии изложен так:

"Уважаемый Егор Кузьмич, у меня есть один вопрос. Вопрос такой: вы длительное время занимались кадровой политикой в ЦК КПСС и вы не могли не знать, что в Узбекистане творилось беззаконие, издевались над руководящими кадрами, они подвергались репрессиям, их исключали из партии, снимали с должностей, сажали в тюрьмы. За все это лично вы какую несете ответственность?"

Лигачев Е.К. "В Узбекистане были допущены руководящими работниками крупные злоупотребления. Я хочу вам сообщить, что вся работа, которая проводилась Центральным Комитетом партии по вопросам, связанным с оздоровлением обстановки в Узбекской республике, проводилась сугубо политическими методами. Все вопросы, которые ставились уже в порядке уголовного наказания - это проводилось прокуратурой и судебными органами".

Вряд ли требуются еще какие-то доказательства центральной роли Лигачева в "узбекском деле", как координатора действий партийных органов, государственных структур и следственных бригад.

И вот по этому-то верному андроповцу и наносит удар Гдлян весной 89-го года. Но для нас важна не эта дата, а та, когда в заветных папках руководителя следственной группы появились показания о том, что Егор Кузьмич получил две взятки по тридцать тысяч рублей каждая.

Сделав такие сенсационные признания бывший первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана И.Усманходжаев, арестованный в Москве 19 октября 1988 года. А уже через шесть дней появились показания на Лигачева. Они-то и были главной козырной картой Гдляна в течение целого года, пока он не извлек на свет Божий показания Мирзабаева, разбившегося насмерть при падении с трехметровой высоты.

"Новая ганзейская газета", начавшая выходить в Таллинне с мая 1990 года, опубликовала в своем первом номере фрагмент записи допроса Усманходжаева, во время которого и были сделаны разоблачения. Сами по себе они не обладают никакой доказательной силой - с равной долей достоверности бывший шеф узбекской компартии мог бы сообщить о взятках патриарху Пимену или Майклу Джексону. Дело в другом. Местом и временем вручения первых тридцати тысяч

названы: Ташкент, июнь 1984. То есть в дни работы XVI Пленума, когда Лигачев выступал с обличениями коррупции в республике.

По мере развития скандала вокруг Гдяна и его группы достоянием общественности стали и другие имена высокопоставленных деятелей из ЦК КПСС, не брезговавших щедрой мздой. Но когда узнаешь, что все они - Смирнов, Могильниченко, Ишков, Бессарабов, Истомина, Пономарев - являлись работниками орготдела ЦК, возглавлявшегося Лигачевым, и выезжали вместе с ним на XVI Пленум, сие повергает в недоумение.

Подбор настолько тенденциозен, что за версту видно, в кого целил тот, кто предавал огласке эти имена (это произошло еще до "рассекречивания" показаний Усманходжаева). Целенаправленна- и в этой целенаправленности топорно подбирали компромат на вполне определенное лицо.

Ответ на вопрос, почему так произошло, почему вообще всплыло имя Лигачева, не так уж сложен. Достаточно сопоставить даты ареста и первых показаний Усманходжаева с датой события, которое обозначило утрату Лигачевым ведущего положения в партийном руководстве.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1988 года привел к окончательному изменению баланса сил в пользу группы Горбачева. Лигачев был отстранен от руководства идеологией и работой Секретариата. Ею передвинули на сельское хозяйство. Всем стало ясно, что дни Егора Кузьмича сочтены.

Усманходжаев, попавший в работу к Гдяну, - человек сообразительный. Малейшего намека для него было достаточно, чтобы добыть из "тайников памяти" вождельный компромат. Ведь помогая закалывать того, кто недавно был всемогущим вторым лицом и представлял главную оппозиционную силу партийному лидеру, он играл наверняка.

Да и анализ разоблачительных заявлений Гдяна достаточно ясно обозначает цену его "смелости" - кроме явно непопулярного Лигачева, потерявшего командные позиции в ЦК, им не назван ни один действующий член Политбюро или Секретариата ЦК. Все остальные поименованные как коррупционеры - Г.Романов, М.Соломенцев, А.Рекунков - пенсионеры. Таким образом, избирательность обличений и их безопасность для Гдяна очевидны.

То, что Лигачев отдан на съедение "буревестникам перестройки", стало ясно уже после сентябрьского Пленума 1988 года - в прессе и на митингах выпады в его адрес сделались обычным делом. Важно при этом, что ни один из прочих членов высшего руководства такой критике не подвергался, а нападки на Лигачева никак не парировались партийной прессой - это само по себе было верным знаком безнаказанности всякого потенциального обличителя.

Первым этой ситуацией воспользоваться Гдян - и нажил политический капитал. За ним с нападками на Лигачева обрушились все кандидаты в народные депутаты СССР, более или менее профессионально ориентировавшиеся в происходящем на верхах. Кампания эта, совершенно безопасная, приносила очевидные дивиденды для критиков.

В конце концов на Лигачева принялись вешать всех собак. Что было весьма выгодно для высшего руководства - найдя громоотвод, оставались вне критики. Все, что действительно отвечал за основные политические решения. Дошло до того, что А.Собчак приписал Лигачеву ответственность за апрельские (1989 г.) события в Тбилиси, когда во время разгона демонстрации войсками были человеческие жертвы.

Хотя Лигачев взывал с трибун Пленумов к "товарищам по партии": ведь мы все принимали решение по Тбилиси, опровергните домыслы Собчака, - "соратники" упорно отмалчивались, но и не отстаивали утверждений Лигачева. На XXVIII съезде, последнем политическом шоу с участием Егора Кузьмича, он вновь во всеуслышание выразил свое недоумение отсутствием солидарности со стороны других членов Политбюро. И опять опровержений не последовало.

Таким образом, обличения пенсионеров и явно выданного на растерзание Лигачева были безошибочно избраны Гдяном как средство реализации своих политических амбиций: он получил 86 процентов голосов избирателей.

Но именно в этот момент и начались неприятности: сначала публикации в прессе, ставящие под сомнение профессиональные качества Гдяна, а затем и обвинения в политическом авантюризме.

Кто же организовал эту кампанию? Лигачев? Секретарю по сельскому хозяйству могла посочувствовать разве что газета "Сельская жизнь". Здесь явно приложило руку более влиятельное лицо.

Поскольку особенную активность в дискредитации Гдяна проявили Прокуратура СССР и КГБ (следователи этой организации выступили в прессе с разоблачениями злоупотреблений Гдяна), следы могущественного лица надо искать не на заседаниях слетов колхозников, не на встречах со знатными

картофелеводами. Нити от названных организаций вели в то время в кабинет члена Политбюро, секретаря ЦК В.Чебрикова...

В интервью газете "Советская молодежь" (Рига), опубликованном 20 июня 1989 года, рассказывая о своих выступлениях против председателя Верховного суда СССР Тербилова, Гдлян обмолвился: "Я звонил и Чебрикову, но это не имело воздействия..." После создания комиссии КПК по расследованию злоупотреблений следственной группы, работавшей по "узбекскому делу", состоялась встреча Гдльяна с Горбачевым в присутствии Чебрикова. Была и еще одна встреча с Чебриковым. Но именно после этого маховик антигдльяновской кампании раскрутился не на шутку. А через несколько месяцев, на ближайшем Пленуме ЦК, Чебриков лишился своих постов.

Так просто, за здорово живешь, звонить такому боссу не каждый может. Не говорю уже о встречах с членом Политбюро. А вот если вспомнить конец восьмидесят третьего - начало восьмидесят четвертого года, когда под патронажем председателя КГБ Чебрикова следственная группа Прокуратуры СССР, обосновавшаяся в служебных кабинетах КГБ, трясла узбекскую партийно-государственную элиту, то ничего удивительного в такой близости не усмотришь.

Почему Чебриков мог дать указание Верховному суду СССР (частное определение по делу Хинта), Прокуратуре и КГБ - он курировал их как секретарь ЦК - начать камланию против Гдльяна? Ответ может дать анализ списка "разоблаченных коррупционеров".

А.Рекунков был Генеральным прокурором СССР с начала 1981 года. Под его непосредственным руководством шла вся работа следствия в Узбекистане. М.Соломенцев, поставленный Андроповым во главе Комитета партийного контроля - своеобразной партийной инквизиции - также участвовал в принятии важнейших решений по реализации андроповского замысла. Без В.Тербилова, тогда министра юстиции СССР, также невозможно было обойтись в ходе выполнения предначертаний генсека. И, наконец, Е.Лигачев, осуществлявший координацию действий всех служб и организаций.

В этом списке отсутствовал только В.Чебриков. Нетрудно представить себе его восприятие заявлений Гдльяна - бывший исполнитель верхушечных решений наносит удары по вчерашним хозяевам, чтобы уцелеть самому. Кто будет следующей мишенью его нападков, можно предсказать. Должен быть нанесен упреждающий удар.

Эта подозрительная потасовка, несомненно, насторожила высшее руководство. Анализ, который проделан автором этой книги, мог быть проведен и другими лицами - но во всеоружии документов, с использованием агентурных сведений. И если 9 ходе него всплыли какие-то факты, подтверждающие мою гипотезу о давнем заговоре, результатом этого могла стать отставка Чебрикова.

Возможна и иная трактовка последних лет карьеры ближайшего сподвижника Андропова. Его перемещение с поста председателя КГБ на должность секретаря ЦК, а затем отставка могут быть истолкованы как реализация старого сценария, разработанного, по моему убеждению, в целях обезвреживания Андропова брежневистами (ш.стр.20). Если это так, то подозрения о существовании заговора могли возникнуть и в начале 88-го года, когда неизвестно какими силами была инспирирована шумная рекламная кампания о Гдльяне и его достижениях.

Быть может, эта шумиха вокруг борца с "теневиками" и их покровителями и насторожила ту группировку в руководстве, которая выступала за легализацию подпольного бизнеса через кооперативы? Во всяком случае, результат не замедлил себя ждать: от рычагов власти были отстранены три члена Политбюро: М.Соломенцев (отставка), Е.Лигачев (перевод на сельскохозяйственный сектор), В.Чебриков (отрыв от КГБ). Почему бы не предположить, что Гдлян, знавший о движущих пружинах рекламной кампании в средствах массовой информации, уразумел: замысел его покровителей потерпел фиаско.

Ведь это факт, что в восхвалении Гдльяна и его труппы участвовали органы печати, близкие к консерваторам в Политбюро или традиционно связанные с КГБ. И в то же время либеральная печать хранила упорное молчание, а как только ситуация вокруг Гдльяна изменилась, принялась наносить по нему ожесточенные удары.

Итак, почин принадлежит "Правде" ("Кобры над золотом", январь 1988 года), которая была поддержана, в основном, партийной печатью ("Московская правда", "Правда Востока"). В этих выступлениях утверждалось, что Гдлян, Иванов и их сподвижники работают в интересах укрепления социализма, повышения авторитета партии и т.п. Да и сами следователи охотно подтверждали это:

"Разматывание всего клубка организованной преступности ведется по инициативе партии, работает на установление правопорядка и законности в стране" ("Правда Востока", июль 1988 г.).

"Консерваторы не могут не понимать, что ход следствия, гласность по делу поднимают авторитет руководства партии и ее линии..." ("Московская правда", декабрь 1988 г.).

Показательна в этой истории позиция "Огонька". Падкий на сенсации В.Коротич клюнул на предложения Гдяна и Иванова и опубликовал в № 26 "бомбу" об их достижениях, в том числе о собранном компромете на делегатов XIX партконференции. Но уже в № 40 была помещена статья о деле Хинта, автор которой, не называя Гдяна по имени, обрисовал его методы вполне однозначно: "...в Таллин был направлен еще один следователь по особо важным делам, который возглавил следственную группу. Не знаю, с каким напутствием он приехал, но вскоре он утверждал, что Хинт-преступник, что кооперативное бюро "Дезинтегратор" он создал только для того, чтобы легче было расхищать ; социалистическую собственность, что советско-австрийское бюро "Десшм" придумано им для прикрытия "преступного сговора с капиталистической фирмой", что, наконец, вся жизнь Хинта, и особенно "финский период", еще нуждаются в тщательной проверке. Все это следователь говорил друзьям и Помощниками Хинта, но ничего, кроме иронической усмешки, от них не добивался. Для следственной группы начались трудные времена поисков тех самых преступлений, за которые Хинт был арестован. Следственные поиски продолжались десять месяцев и десять дней. А все это время старый, большой ученый не знал, за что его арестовали".

А еще через полгода, возвращаясь к делу Хинта, "Огонек" забил новый костыль в гдяновскую репутацию:

"- Тяжелое впечатление оставляет данное дело, - сказал выступивший на пленуме член Верховного суда СССР ИАпхазов. - Иногда кажется, что это дело пришло к нам из того далекого 37-го..." ("Огонек", № 19, 1989).

Как ни пыталась "Правда" спасти честь гдяновского мундира, ее ухищрения по очернению Хинта и его «деяний» подверглись всеобщему осуждению.

Коротич явно переориентировался, уловив дуновения свыше. А вот «Литературная газета» вообще не проронила слова в поддержку Гдяна, зато, как только табу на его критику было снято, нанесла по нему целую серию пропагандистских ударов и занимает непримиримую позицию по сей день. То же можно сказать и о либеральных «Известиях».

Так что, возвращаясь к роли Лигачева в конфликте вокруг гдяновской группы, мы должны выделить в этой истории два этапа - до сентября 88-го года и после. Если первый этап можно назвать комфортным, то второй, продолжающийся по сей день, пережил в своем развитии все оттенки от легкой облачности до тайфуна.

В ЧЕМ ОБВИНЯЮТ ГДЯНА?

Итак, грозный шум вокруг Т.Гдяна и его ближайшего сподвижника Н.Иванова начался после того, как в ходе предвыборной кампании сначала первый, потом второй заявили, что в «узбекском деле» есть материалы, изобличающие во взяточничестве высокопоставленных деятелей из ЦК КПСС и правительства. Апогея разоблачения Следователей достигли 12 мая, когда, выступая в ходе теледебатов на ленинградском телевидении, Иванов заявил, что в деле "замелькали" фамилии Романова, Тербилова, Соломенцева, Лигачева.

Такие выступления были истолкованы в прессе, как желание заработать престиж смелых борцов с могущественными мафиози и на волне скандала проскочить в народные депутаты. При этом указывалось на противозаконность и аморальность подобных действий, ибо ни одному из лиц, названных Гдяном и Ивановым, обвинение не предъявлялось, а разглашение данных следствия было истолковано как использование служебного положения в личных целях.

Все дальнейшее развитие событий обычно объясняют именно этими предвыборными выступлениями.

Прежде чем обратиться к тем обвинениям в адрес следственной группы Гдяна, которые посыпались как из рога изобилия уже после выборов, зададимся вопросом: почему разоблачительные заявления были сделаны не тогда, когда появились в протоколах допросов показания о даче взяток высокопоставленным лицам, может быть, они были припасены именно к выборам? Вряд ли. Ведь о том, каким образом будет происходить выдвижение в народные депутаты, страна узнала только накануне 1989 года - не можем же мы предполагать в Гдяне и его сподвижнике таких провидцев, которые предчувствовали изменения избирательного закона и заранее к ним готовились.

Объяснение куда проще - выборы просто оказались очень кстати для обоих руководителей группы, готовившей обвинительное заключение по делу Чурбанова и других чинов МВД. Процесс, закончившийся в преддверии нового, 1989 года, мог стать началом конца той славы, которую приобрели оба следователя в течение 1988 года благодаря шквалу рекламных публикаций в прессе.

Когда в ходе судебного разбирательства десятки обвинительных эпизодов рассыпались, обнажив примитивный, прямо-таки провинциальный уровень работы гдлянвской бригады, это стало достоянием журналистов, присутствовавших на процессе. И тон их по отношению к действиям знаменитостей существенно изменился. Топорный стиль работы, сводившейся к выколачиванию признаний, утвердился в советской юстиции со времен Сталина. Как бы ни присягали наши служители Фемиды на верность презумпции невинности и прочим заморским новшествам, практика оставалась по-деревенски бесхитростной. Это, по-моему, не надо доказывать никому, кто хотя бы раз в жизни столкнулся с приемами следствия в милиции и прокуратуре.

Процесс Чурбанова был первым громким делом, на разбирательстве которого присутствовала пресса, к тому же не обязанная, как в былые времена, дружно ликовать или осуждать по мановению дирижерской палочки. Гласность сослужила не лучшую службу для тех, кто готовил обвинительное заключение: их действия не страховались на сей раз политическим зонтиком, обеспечивавшим безусловный успех в прежние времена.

Поэтому немедленно по завершении процесса последовали упредительные удары Гдльяна по составу суда: он обвинил судью М.Марова в том, что тот м о г б ы т ь знаком когда-то с некоторыми из подсудимых. Но эти подозрения вчерашних кумиров прессы никто не придал серьезного значения - только еженедельник "Новое время" дал им возможность в дискуссионном порядке оспорить правомочность решений суда. Чурбанов, при всей неприязни к нему со стороны народа и журналистов, вовсе не был обречен на безусловную смерть.

Если следовать логике Гдльяна и его сподвижников, оправдательных приговоров на процессах вроде чурбановского просто не может быть.

Вся терминология его речей выдает в нем приверженца тоталитарных решений.

Мир для него разделен на черное и белое, на друзей и врагов. Он не представляет себе, что кто-то может иметь иные убеждения. Характерный Пример такого подхода - его интервью журналу "Журналист", также распространявшееся в ксерокопиях сторонниками Тельмана Хореновича:

«...у подавляющего большинства журналистов наши действия находят полное понимание. Недоброжелатели даже пустили слухок: Гдляи-де закупил центральную прессу своими миллионами. Не деньгами мы "закупили" прессу (от нас многого не дожدهшься, что у нас есть? Трешка в кармане на обед и сигареты). Убежденностью в правоте своего дела, последовательностью в борьбе с бесчестными людьми. Те, для кого наши действия представляют опасность, - люди, увязшие в коррупции, лютой ненавистью нас ненавидят. Но так же люто ненавидят они и журналистов, что тоже стоят на красных баррикадах, еще раз простите за громкое слово, просто к месту оно. Честно скажу: если бы позволял уголовно-процессуальный кодекс, я бы с удовольствием зачислил в свою команду десятка два боевых журналистов. Они ведь, как и следователи, взрывают своими публикациями то омерзительное, что до времени было закрытой зоной.

Хорошая, продуманная, глубокая по мысли статья - своеобразное обвинительное заключение для тех, кто не в ладах с законом и не приемлет новый образ жизни. Поразительное явление вошло в мою жизнь: пресса, любимая и... ненавистная...

На мой взгляд, и сам Виталий Коротич грешит отсутствием четкой журналистской позиции. Его порой трудно понять - то он "левый", то он "правый". Хотелось бы спросить: который же из них - настоящий Коротич? Остается надеяться, что время покажет...Выступления журналиста «Литературки» Борина отличаются высоким профессионализмом и опасным умением убедить читателя в том, что "черное" - это именно то, что представляется таковым автору, хотя на самом деле оно может быть совсем другого цвета. То же самое я могу сказать о другом известном журналисте - Ю.Феофанове. К большому моему сожалению, многие его статьи тенденциозны. Уж такой он демократ, такой сторонник законности! А у меня на памяти другие его статьи, обличающие писателей Даниэля и Синявского в государственном преступлении. Не за взятки, хищения и прочую уголовщину - за политические убеждения, позицию».

Итак, те, кто вместе с Гдлянм стоят на "красных баррикадах", отстаивая "новый образ жизни", и при этом восхваляют Тельмана Хореновича, - это истинные журналисты, а те, кто не разделяют восторга перед ним, - подлежат осуждению. Политиканствующего Феофанова Гдлян с пафосом обличил за писания против Даниэля и Синявского (на календаре-то - 89-й год!) и не поперхнулся при этом, хотя сам совсем недавно "шил политику" Хинту. И Коротич не порадовал Тельмана Хореновича - сначала дал статью "но шерсти", а затем сразу две "против шерсти".

Вот эта-то безмятежная черно-белая логика и дала материал для многих обвинений группы Гдяна. Его уличали в низком профессионализме - что это-де за позиция: сел на скамью подсудимых, значит должен обязательно получить срок? Его упрекали за увлечение количеством полученных аризов - в группе шло подлинное соревнование, кто больше получит явок с повинной. Ему вменялось в вину многолетнее содержание обвиняемых под стражей до суда. Приводились факты арестов их родственников. Назывались различные способы оказания психологического давления.

Но обвинения эти могли быть адресованы всей советской правоохранительной системе, десятилетиями существовавшей в условиях произвола и вседозволенности. Будучи придатком партократии, суды, прокуратура и милиция, не говоря уж о тайном политическом сыске, - исполняли любое указание от "директивных органов". В соответствии с этими функциями формировалась и психология работников названных ведомств. Всякий принципиальный или даже попросту чистоплотный человек, восставший против "телефонного права", против негласных инструкций, против методов выколачивания признаний (главной цели следствия!), немедленно и безусловно изгонялся со следственных; надзорных, судейских должностей. Карьеру же в этой системе мог сделать человек, однажды спрятавший совесть в карман и сказавший себе: "не рассуждай".

Гдяну и Иванову часто ставят в вину то, что они подвергали подсудимых обработке в "пресс-хатах" - так на жаргоне служителей правосудия именуются камеры, в которых отпетые уголовщины договоренности со следствием всячески терроризируют человека, склоняя его к даче нужных показаний. Но опять же не они придумали этот способ психологического подавления - пресс-хаты изобретены в Грузии в середине 70-х годов, когда Э.Шеварднадзе проводил репетицию перестройки в андроловском понимании.

Обвиняют Гдяна, что он приписал себе и своей группе заслуги, которых у нее не было. В частности, объявлял сначала об изъятии 140 миллионов рублей, затем 40 миллионов, из которых в наличии оказалось только 20. Да и то около пятнадцати из них были изъяты работниками КГБ, проводившими первые аресты и обыски по делу Музаффарова. Таким образом, заявляли критики Гдяна, его следственной бригадой "наработано" всего лишь 4-5 миллионов. За пять лет на двести следователей - не густо. Одной зарплаты, командировочных и транспортных расходов ими «съедено» на половину этой суммы. Но и это, думается, не криминал. Критики в данном случае оказались в плену у представлений, созданных самой системой оценки труда следователей. Гдян был рядовым исповедником ее философии.

Чтобы понять механизм возникновения грандиозных цифр в "узбекском деле", разберем только один пример с хлопковыми миллиардами. Расхождения между приводимыми в печати и в выступлениях должностных лиц объемами приписок и их стоимостным выражением весьма велики. Г.Овчаренко, открывший газетную шумиху о борцах с мафией, объявил: "Сегодня доказано, что хлопковые магнаты украли у государства свыше четырех миллиардов рублей, половину из которых рассовали по своим карманам" ("Правда", 23 января 1988 г.). Однако доказательств не привел.

Начинающий журналист Е.Додолев повторил в «Смене» (№ 15 за 1988 г.): "За период 1978-1983 годы (в том числе и после смерти Рашидова) по минимальным подсчетам приписано якобы собранного хлопка 4,5 миллиона тонн, чем нанесен ущерб в размере более 4 миллиардов рублей".

Ну хорошо, впечатлительного Додолева можно понять - он вообще имеет пристрастие к детективному антуражу и всяческим преувеличениям, может быть, по молодости еще пребывает под влиянием сказок Шехерезады. Но представитель осторожной официозной газеты - откуда у него эти миллиарды? Ведь вот гораздо более информированный член депутатской комиссии по делу Гдяна Н.Струков привел в беседе с корреспондентом иные цифры - по его словам, в результате приписок в хлопкоочистительной промышленности Узбекистана похищено 2,51 миллиарда рублей ("Московские новости", 15 октября 1989 г.). Называются и другие цифры - приписано с 1978 по 1983 год 4,5 миллиона тонн хлопка стоимостью около 3 миллиардов рублей (бывший Генеральный прокурор СССР А.Рекунов).

Выше я привел иные объемы и суммы. По-моему, и полтора миллиарда, обнаруженные мною, цифра впечатляющая. Я не утаивал подсчеты, а произвел их на глазах у читателей. Те же цифры, которые явлены со слов амибициозных Шерлоков Холмсов, отражают лишь неодолимую страсть к гигантомании, вколоченную людям сталинской закваски (самый большой в мире, самый мощный, самый протяженный). Стереотип мышления сталинских выучеников таков: прислоняясь к большой цифре, я сам становлюсь большим. Поэтому психологически понятно их желание подрасти

в глазах общественности, слегка (ну всего-то в два-три раза) поднадув цифру... Те, кто требовал величавости в отчетах, обуславливая живучесть системы приписок, оказываются близнецами тех, кто в благородном порыве к правде иной раз прихвастнет в отчете (посчитает, к примеру, весь хлопок по закупочным ценам тонковолокнистых сортов, которые составляют 7,5% сбора).

Но не заговорился ли я? Сталинские выученики - и это о Гдяне и Иванове, которые со всех трибун сегодня громят язвы нашего прошлого? Но это сегодня. А когда они начинали свое восхождение на трибуны, с языка у них срывались иные признания. Даже в распространенном группами гдяновских «фанатов» «Несостоявшемся выступлении на 1-м съезде народных депутатов» Гдян обличал своих противников в таких выражениях: "Мафиозные группы, используя политические рычаги власти, аппарат репрессивных органов и центральную прессу, в апреле-мае с.г. (1989 - СП.) сумели взять реванш за поражение в период андроповского генерального наступления на организованную преступность в стране". Как тут не вспомнить "десять сталинских ударов"? Неосталинист Андропов поднимается как знамя борцов за демократию и правовое государство. Пользуясь удачной оказией, Тельман Хоренович в очередной раз «настучал» на Лигачева, обвинив его в подстрекательстве к забастовкам и в конечном счете к перевороту:

"В середине мая (1989 - СП.) в Ташкенте проводилось совещание по вопросам агропрома, в котором участвовали представители различных министерств и ведомств Москвы, Сибири, Урала и республик Средней Азии. На этом авторитетном совещании председатель колхоза имени К.Маркса Ташкентской области пожаловался, что для строительных нужд город Ташкент отнял у них 640 гектаров земли.

В ответ член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК партии Е.К.Лигачев посоветовал: "Если так и дальше будет... начинайте забастовку. Давай телеграмму в ЦК, мы поддержим..." ("Социалистическая индустрия" от 20.05.89 г.).

Возьму на себя смелость категорически утверждать, что призыв Лигачева к забастовке не найдет понимания и поддержки ни у членов ЦК, ни у членов Политбюро. Возникает закономерный вопрос, во имя каких "высоких" целей член Политбюро Лигачев от имени ЦК дает зеленую дорогу этой исключительной форме общественного протеста, когда при имеющейся у него в руках почти неограниченной власти подобного рода вопросы мог вполне положительно решить с руководством республики? Ведь в нашей огромной разваливающейся государственности, где социальный маятник напряженности давно качнулся в сторону дестабилизации, мы наберем тысячи и тысячи таких же нерешенных хозяйственных проблем. Неужели все они должны решаться забастовками? Мягко говоря, это политическая авантюра с далеко идущими, непредсказуемыми последствиями. Я, как и многие члены партии, не могу разделять образ мыслей и действий члена Политбюро Е.К.Лигачева".

Это было еще до летних забастовок кузбасских шахтеров и русских рабочих в Прибалтике, таким образом, теперь - задним числом - мы можем считать установленным благодаря бдительному Гдяну главного виновника этих нехороших выступлений. Если бы руководство прислушалось к Тельману Хореновичу раньше! А то ведь даже речь его оказалась несостоявшейся. Хотя, если она была предана тиснению и широко распространялась в народе, почему бы не предположить, что и до сведения начальства дошли предупреждения Гдяна.

Напомню читателю те эпизоды, в которых представлена жизнь кишлаков Ферганской долины, сплошной цепью тянущиеся в предгорьях неподалеку от Большого канала. Сотни, тысячи изможденных дехкан с кетменями, беспрекословно повинующиеся указке начальства, готовые лезть в воду с неводом, готовые поджигать дома месхетинских турок, громить и убивать.

Представить страшно, от чего уберег нас Тельман Хоренович, предотвратив заговор Егора Кузьмича в колхозе имени Карла Маркса. Не исключено, что перестройка оказалась на краю гибели и только благодаря проявленному Гдяном гражданскому мужеству страна может спать спокойно. Как знать, быть может, в не таком уж далеком будущем детишки в яслях будут разучивать прочувствованный текст: "Спасибо Тельману Хореновичу за наше счастливое детство!"

Нанеся серию сокрушительных ударов по пенсионерам союзного и республиканского значения, сорвав чреватый страшными потрясениями комплот в узбекском колхозе, Гдян обеспечил себе признательность народных масс. Вокруг него сплотились лучшие представители прогрессивной интеллигенции, рабочего класса и трудового крестьянства. В этой ситуации огульная критика методов работы Гдяна и его следственной группы не могла вызвать ничего, кроме ненависти к корумпированным кланам. С массами, питающими неизъяснимую любовь к

Андропову, участники андроповского "генерального наступления*" обрели с того момента подлинно кровную связь. Начиная с лета 1989 года число сторонников смелых следователей стало умножаться в геометрической прогрессии.

Но вернусь к утверждению о том, что наши герои были сформированы сталинской школой. Заявляю, во избежание кривотолков, что это вовсе не повод для предания их анафеме. Гдлян и Иванов вызывают у меня скорее жалость, как продукты бесчеловечной системы, как два из многих камушков, обкатанных по образу и подобию всех прочих под беспрестанными набегами волн моря житейского. Будучи пленниками этого моря, они не могут избежать подвластности его законам. Если в обществе утвердилась обыденная мораль, позволяющая смешивать с грязью человека, в адрес которого публично высказано какое угодно обвинение, то почему бы не использовать эту склонность толпы верить лю бому порочащему слуху?

Правда, будучи какими-никакими, а все же юристами, Гдлян и Иванов знают, что каждый подследственный может, руководствуясь соображениями самозащиты, обвинить в преступлениях, в связях с собой высоких лиц и тем самым побудить их к "вытаскиванию" его, к уводу от ответственности. В таких условиях трести показаниями Усманходжаева на Лигачева могли только люди циничные, убежденные в том, что закон - дышло, куда повернул, туда и вышло.

Мне все-таки потребны доказательства - каким бы консерватором ни был Лигачев, я поверю в его преступления только на основании неопровержимых улик.

Именно поэтому я не верю и обвинениям в адрес самих Гдляна и Иванова, зафиксированных в заявлениях бухарского гаишника В.Иззатова (тот указал, что 22 февраля 1984 года Гдлян требовал у него 10 тысяч) и замначальника Бухарского областного УВД Ш.Рахимова (по его словам, осенью 83-го года Гдлян вымогал у него 50 тысяч).

Обвинители Гдляна и его соратников указывали в прессе, что пломбируя своими знаменитыми печатями Прокуратуры Союза № 268 и № 347 мешки и сейфы с изъятыми ценностями, глава следственной группы складывал все отысканное в тайниках навалом, без пересчета, что, дескать, открывало широкие возможности для злоупотреблений. Часть пломб оказалась при осмотре сфальсифицирована. Не на эти ли "толстые" обстоятельства намекала О.Чайковская в очерке "Миф" ("Литературная газета", 24.05.1989): "Меня позвали в Ленинград кандидаты в народные депутаты, просили помощи - дать людям информацию, которой я располагаю. Говорили, что Иванов, пользуется могучей поддержкой. В этом мне нетрудно было убедиться, когда я приехала в город. Едва ли не все типографии печатали афиши Иванова, которые были расклеены повсюду. По городу ездили фургончики с его огромными портретами, ему были предоставлены залы, экран телевидения, страницы опять же едва ли не всех газет, в том числе и "Ленинградской правды" - органа Ленинградского обкома".

И все же полагаю, что верить нужно не подозрениям, а твердо установленным фактам. Поэтому не принимаю на веру ничего порочающего репутацию следователей.

Пока не доказано обратное.

Не будучи юристом, не собираюсь влезать в тонкости уголовно-процессуальных приемов. Если Гдлян говорит, что Хинт был жулик и махинатор, я принимаю его точку зрения. Тем более, что суд вынес соответствующий приговор. Однако ставлю вопрос: почему же Гдлян пытался утопить Хинта посредством навешивания политической статьи? Ведь понимал, что это такое - на дворе крепчал брежневизм...

Зная немного узбекскую действительность, готов принять все обличения коррупции среди коммунистических царьков и баев. Не имею никаких резонных оснований защищать деятелей из ЦК, всплывших при раскрутке "кремлевского дела". Но приглашаю читателя вместе со мной задаться вопросом: есть ли такие простаки, кто поверит, что Гдлян мог заняться собиранием компромата на "шишек" без соответствующего политического прикрытия? Не задумано ли "кремлевское дело" на самом вершине пирамиды власти?

Даже основные деятели команды Андропова - Чебриков, Лигачев, Соломенцев, Рекунков, Терехов - вряд ли были посвящены в замыслы генсека. Думаю, они могли действительно верить, что готовится большая война с коррупцией. Но если предположить, что дело начало бы развиваться по отработанному сталинскому сценарию, то этапы его должны были выглядеть так:

1. Аресты и показательные суды над действительными коррупционерами в разных регионах, начиная с Узбекистана. На процессах "всплывают" данные о соучастии в преступлениях представителей высшей партийной и государственной номенклатуры.

2. "Кремлевское дело". Разгром старого аппарата, сложившегося в постсталинские десятилетия.

3. Ликвидация главных исполнителей первого этапа операции с целью "спрятать концы". Назначение в КГБ, орготдел ЦК, Прокуратуру, Минюст и Верховный суд людей, более посвященных в операцию.

4. Развертывание по всей стране террора против элиты, не связанной с коррупцией, но не склонной к поддержке неосталинистской диктатуры. Средства массовой информации организуют по этому случаю бурные аплодисменты в народе.

5. Повсеместная замена освободившихся вакансий андроповскими выдвиженцами. Проведение идеологического обоснования произведенного переворота.

6. Закрепощение населения - рабочих в промышленности, крестьян в деревне. "Социальная дезинфекция" среди интеллигенции. Фанфары по случаю наступления нового тысячелетнего рейха, основанного на рабском труде homo soveticus.

Так что исполнители предначертаний Андропова сами были обречены на заклание, подобно тому, как последовательно были истреблены все руководители ОГПУ-НКВД постояльцем дома-музея в Сольвычегодске. Ягода и Ежов тоже думали, что являются водворителями нового порядка, а оказались человечками из хлебного мякиша, которым хозяин в свой час отковырнул головы.

Так может не будем полахать негодованием по адресу соучастников намечавшейся великой чистки? Они, скорее всего, сами были не главными фигурами в большой игре. Да и какой прок в том, чтобы накачиваться злобой и к промелькнувшим, и к нынешним кумирам?

Люди вообще заслуживают не столько ненависти, сколько жалости. Не знаю, получил бы Гдлян удовлетворение от казни Чурбанова... Мне было бы не по себе: вот мы, наслаждающиеся свободой, созерцающие наш несовершенный, но и прекрасный мир, - и только один, с общего согласия убитый палачом, лежит на покрытом клеенкой столе с пулей в затылке... Не выходят из головы слова Христа: "Не судите, да не судимы будете".

ИМЕНЕМ ТОЛПЫ

Если спросить человека из уличной толпы, что он знает о деле Гдльяна, тот вряд ли даст связное объяснение: борьба с мафией в Узбекистане, изъяти много денег, поймали Лигачева на взяточничестве. Выяснится парадоксальная вещь: о кумире почти ничего не ведают. За что выступает Гдлян? Мм, за справедливость... А еще? Ну-у, чтобы взяточников пересажать... Еще? За многое...

И это нормально. Потому что до Гдльяна как такового никому дела нет. В этом коротком неблагозвучном имени обожают идею. Она, если бы расшифровать ее - звучала бы столь же длинно и цветисто, как название арабской сказки. Жажда окончательного и безусловного торжества справедливости, помноженная на желание, чтобы меня уважали, почитали, считали меня ценным членом общества, чтобы я был во всем равен любому начальнику, лягавому или деловику... А самое главное, чтобы никому не было лучше, чем мне, чтобы все эти аппаратчики и подпольные миллионеры, мать их в душу, повкалывали так, как горблюсь я всю свою жизнь за две сотни, колотились так, как колочусь я на двадцати шести метрах вчетвером - а тут еще Светка, стерва, замуж вздумала, привела какого-то из общаги - совсем кранты... И чтоб продуктов каких-нибудь подкидывали хотя бы раз в неделю, чтоб не стоять в очереди за всякой ерундой... И водка чтоб - хотя б за десять рублей... И вообще...

Согласитесь, куда лаконичнее, а главное понятнее для всех сказать: Гдлян. Поэтому не приставайте к людям с вопросами. Вам же сказали, почему они любят его: в этой жизни им поможет только Гдлян. Ну, может быть, еще Ельцин. Тоже коротко и понятно.

Но почему именно Гдлян? Наверное, дело все же не в краткой фамилии. Дело в профессии. Следователь, борец с преступностью - и не какой-нибудь, а с начальственной... Люди, всю жизнь верившие в превосходство социализма или хотя бы в борьбу за мир и два года назад узнавшие из газет про существование аппарата, номенклатуры; -почувствовали себя обманутыми. Они честно и непорочно крепили мир трудом своим, а в это время те ездили по охотничьим домикам, жрали в три горла, набивали карманы...

Нет, все же люди абсолютно правы в своей любви к короткому слову Гдлян. Ибо за ним скрывается то, что нельзя не любить: честность, бесстрашие, неподкупность, несгибаемость, верность долгу. Они любят то, что узнали о нем из газет, они любят качества, которые, как им сообщили, присущи Гдляну (и в какой-то степени Иванову).

Люди верят тому, что видели собственными глазами: фотографии следователей на фоне денег - огромные вееры из сотенных бумажек. Они видели снимки сокровищ, добытых Гдляном. Их было много, этих публикаций: "Смена" (№ 15, 1988), "Московские новости" (3 июля 1988) журнал «Советское фото» (№ 11, 88), журнал "Спутник" (апрель, 89), "Комсомольская правда" (22 марта, 89) и так далее и так далее.

Понятное дело, что десятки читателей "Комсомольской правды", увидевших Иванова, демонстрирующего три миллиона (пачки денег, связки драгоценностей) в период избирательной кампании, проголосовали за борца против коррупции. Даже малые детки и те приносили родителям "Пионерскую правду" с рассказом об арестованном министре просвещения Каракалпакии - его-то снимки возле военного вертолета обошли все издания от "Советской культуры" до мелких узбекских газет.

А вот об освобождении министра И. Косымбетова за отсутствием состава преступления печать почему-то промолчала. Хотя, если подумать, кого заинтересует такая информация? Вот если бы улекли лет на пятнадцать!

Когда на страницах «Литературной газеты» (25 апреля 1990 года) В. Голик, председатель парламентского комитета по борьбе с преступностью, утверждает, что Гдлян и Иванова поддерживает чернь, меня шокирует это заявление.

Нет, нет и нет! Гдлян и Иванова поддерживают люди, истосковавшиеся по закону и совести. Не их вина, что они знают о двух следователях лишь дозированные агитпропом ЦК отчеты об успехах. Ведь никто никогда не приоткрывал крышку, за которой обнаруживаются тайные пружины и приводные ремни этого дела. Ведь никто не поставил печатно вопрос о том, почему любимцы "Правды", еще недавно размахивавшие полинявшими стягами неосталинизма, с завидной проворностью переметнулись в лагерь борцов за демократию. Никто не объяснил людям, как случилось, что следователь, уморивший предпринимателя Хинга в тюрьме, сегодня заседает на совещаниях межрегиональной депутатской группы, выступающей за свободу частного капитала.

Так что поклонники Гдляна - это заложники той информационной мафии, которая решает, что положено, а что не положено знать народу. Вот если бы люди могли иметь суждение на основе полного знания, тогда сибирский юрист В. Голик имел бы право выносить столь резкие и однозначные суждения о психологии человеческих множеств.

Когда-то мудрый Чехов писал начинающему писателю М. Горькому: "Нет ничего легче, как изображать несимпатичное начальство, читатель любит это, но это самый неприятный, самый бездарный читатель".

Определенная часть народа действительно с готовностью верит любой хуле на начальство. Это наиболее темные, озлобленные, ущемленные жизнью люди. Именно к ним всегда обращались с подстрекательским словом авантюристы и демагоги всех времен: от Лжедмитрия и душегубца Стеньки Разина до большевистских горлопанов. В годы первой мировой войны они разжигали среди солдат ненависть к офицерам и генералам, распространяя слухи об их предательстве, сговоре с немцами. Когда доведенная до нужного градуса вооруженная толпа превратилась в обезумевшее стадо, которое не только смело высшие сословия, но и вытоптало всю свою некогда цветущую страну, его бесцеремонно запихали в загоны и принялись исправно стричь, да так, что иной раз вместе с шерстью прихватывали и кожу...

Верят в Гдляна те, кому по сердцу казарменные порядки - именно к ним обращены ссылки на "андроповское генеральное наступление". Сам Гдлян, упивавшийся диктаторскими полномочиями, данными ему с подачи КГБ в Узбекистане, по сей день не может расстаться с привычками провинциального царька, приобретенными среди дрожащих от ужаса азиатов. Он быстро впился в уготованную ему роль и постоянно разыгрывал важную персону а-ля Хлестаков. Он обожал в присутствии служащих республиканского ЦК партии или КГБ придвинуть к себе аппарат правительственной связи ВЧ и заявить: «Прошу всех удалиться. Я буду звонить Самому». Кто этот Сам, мы, вероятно, никогда не узнаем - вполне может быть, что им оказывался дежурный связист. Но если Сам - это не розыгрыш, то наши подозрения относительно посвящения Гдляна в некоторые неприглядные замыслы находят еще одно подтверждение.

Спекулируя на пиетете части народа к Андропову, Гдлян опять-таки паразитирует на малой информированности людей относительно деяний этого

зловещего обитателя кремлевских коридоров власти. Когда превозносят его заслуги в организации отпора коррупции в Узбекистане, почему-то умалчивают о непонятной терпимости Андропова к разгулу мафии в Азербайджане.

Там, по свидетельствам авторитетных специалистов, приписки в хлопковой промышленности были гораздо наглее, чем в Средней Азии. Организованная преступность и коррупция процветали; среди бела дня вершились такие дела, которые были невозможны ни в одном регионе. Если уж министр внутренних дел Азербайджана был застрелен у себя в кабинете, то можно представить, каким кошмаром была жизнь в этом заповеднике национал-бюрократической «коза ностры». Но Азербайджаном правил близкий Андропову проходимец Алиев (напомню, он п е р в ы м был введен в состав Политбюро по воцарении Андропова) - и ни одной критической строки не появилось об этой республике за все время правления «Честного человека». Одурманенный «андроповкой» (помните мерзкую на вкус водку за 4,70?) homo soveticus готов был рукоплескать любым «решительным мерам» нового воплощения Джугашвили - но опять-таки по незнанию, из-за полного духовного порабощения послушными диктатуре средствами массовой информации. Сегодня, по мере мучительного обретения свободы слова, мы снова становимся народом - русскими, украинцами, узбеками. Мы с болью соскребаем с себя коросту homo soveticus, и чем дальше, тем меньше склонны верить мифам, творимым ловкими журналистами по заказу власть имущих.

Да, Гдлян был силен и важен, когда сидел за следовательским столом напротив раскисшего от слез партийного вора, когда вытрясал признания у пенсионера, спокойно проживавшего награбленное и не думавшего, что когда-нибудь грянет гром над его головой. Но эта власть развратила и его самого, и подчиненных ему людей. Они уже не столько стремились к истине, сколько устраивали своего рода соревнования: "Тельман Хоренович, я добыл аризую на пять тысяч", "А я на десять тысяч", "А я сразу три аризы получил". Таких удачливых «следователей» именовали в группе "колунами" - полученные явки с повинной они не разрабатывали, а передавали "чистильщикам" или "пианистам" (оттого, что они долбили по клавишам машинки, печатая показания). Задачей последних было свести концы с концами, связать разрозненные показания в нечто стройное.

Грязные прокуренные кабинеты, захватанные стеклянные банки со спитым чаем на столах, сидящие на подоконниках "колуны", стрекот машинок "пианистов" - в такой атмосфере рождались громкие дела, которые должны были потрясти Кремль. И над всей этой приклатненной публикой царил Гдлян, то и дело с таинственным видом мелькавший от одного начальственного кабинета к другому, то отъезжавший, то приезжавший на черных комитетских "Волгах". Те, кто ощущал эту атмосферу, говорят, что все это производило впечатление чего-то нечистого, липкого, от чего хочется немедленно отмыться.

Там Гдлян был смел и отважен, был он бесстрашен и непримирим, когда обличал потерявшего влияние Лигачева. Но стоило Рою Медведеву, сопредседателю депутатской комиссии по Гдлян и Иванову, заявить в интервью "Рабочей трибуне", что великий следователь собирал компромат на других членов Политбюро, как Гдлян сдрейфил.

Вот что сказал Рой Медведев, отвечая на вопрос, верит ли он обвинениям Лигачева во взятках: "Не верю. Так же как и аналогичным не подкрепленным уликами показаниям против Яковлева, Разумовского, Ельцина, а теперь и Горбачева. Называть кого-либо преступником на основании голословных утверждений - рецидив сталинской "юриспруденции" ("Рабочая трибуна", 17 февраля 1990 года).

Гдлян готовил компромат впрок - тогда и Ельцин, как секретарь ЦК, попал в его досье. Но теперь такие показания стали опасны для него, ибо в поисках прикрытия он переметнулся в Межрегиональную депутатскую группу, где верховодил Ельцин. Еще более испугало его обнародование Медведевым факта сбора порочащих материалов на Яковлева, наиболее влиятельного ныне члена кремлевского руководства. И Гдлян принялся опровергать на митингах и в поддерживающих его листках заявление Медведева. Похоже, Тельман Хоренович прекрасно знает, против кого можно, а против кого нельзя сегодня выступать, хотя политической арифметикой овладел не вполне, чем иначе объяснишь то, как опростоволосился он с преданием гласности показаний на Горбачева. В начале января, когда Гдлян решил разоблачить генсека, среди межрегионалов и в массе радикально настроенной публики господствовало убеждение, что Горбачев вскоре потеряет власть, и Гдлян, по-видимому, решил оказаться на гребне событий. Как еще истолковать столь запоздалый приступ правдолюбия: почти пять лет держал в заачке разоблачительные материалы и вдруг извлек их на свет Божий...

Начиная глубоко законспирированную операцию против верхушки партии и государства, Андропов мыслил привычными стереотипами обер-жандарма: или я их, или они меня. Человек, в течение пятнадцати лет привыкший только сажать и высылать, уже не представлял себе иных форм борьбы. Политику он видел как восточный сатрап: если сегодня я не сломаю хребта, завтра его могут сломать мне. Затеянная им операция по подведению мины под Кремль не была доведена до конца, но несколько бомб вышедший из-под контроля биоробот успел изготовить и приберечь на всякий случай.

Поторопился Гдлян ударить Горбачева в спину на подходе к президентству - видно, поверив в свое величие, в готовность толп следовать его призыву, был убежден, что теперь может менять фигуры на политической сцене по своему усмотрению. Но то, что ему было позволено с молчаливого согласия верхов травить Лигачева, вовсе не означало, будто его на самом деле принимают всерьез. Теперь Гдлян ничего не остается, как продолжать свои нападки на Горбачева в расчете, что ситуация в стране еще больше ухудшится и на волне бед и несчастий, которая захлестнет нынешнюю власть, ему самому удастся взлететь к подножью кремлевского трона. Ведь исторические примеры вдохновляют: тот же Джугашвили сумел сесть на шею измученному, ко всему безразличному народу после многих лет смуты и разорения.

Зная прошлое России, можно опасаться повторения эпопеи многих самозванцев, не раз приводивших нацию на край гибели. Овладевавший народом закон толпы был неумолим и страшен, он требовал жертв, казней и мщения. Именем толпы сокрушались троны и алтари, затем имения и житницы, пока, наконец, не занимались огнем хижины и мирные нивы.

Закон толпы беспощаден и слеп. Именно поэтому он однажды настигает и того, кто поднял его кровавые скрижали.

НОЧНОЙ ПОЖАР. II

Тем давним уже февральским днем 1984 года я подошел к дымящимся среди вытаявшей из снежного покрова усадьбы черным руинам и стал смотреть, как ловко, привычно орудует багром щуплый востроносый мужик в телогрейке и солдатской ушанке. Под его криками и другие шевелились сноровисто и слаженно. Вытащенные из пожарища обгорелые предметы сортировались ими на затоптанном сажеей дворе. Вся эта деловитость как-то не вязалась со скорбно-величавыми аккордами, льющимися из портативного приемника, поставленного кем-то на обугленном табурете. Едва я успел подумать об этом, как один из разгребателей пепелища, словно угадав мои мысли, крикнул:

- Вовк, чего ты там тягомотину включил! Найди веселое что-нибудь.

Стоявший ближе других к приемнику присел на корточки возле табурета и покрутил ручку. Но и другие программы не порадовали работающих: эфир был наполнен классикой.

- Да что они там, хоронят кого-то? - раздраженно крикнул тот же мужик, что прочитал мои мысли.

И меня вдруг охватило сильнейшее волнение - еще невысказанное, еще не облеченное в слова, оно заставило сердце учащенно забиться.

Серый зимний день разом засиял каким-то незримым светом. Я оглянулся вокруг - все, только что видевшееся тусклым и привычным, показалось исполненным загадочного смысла. И эти люди, быстро, даже весело работающие на огненной могиле нескольких односельчан, и обгоревшие яблони и кусты, торчащие из спекшегося в льдины снега, и бродячие псы, что-то вынюхивающие среди угольев. Этот загадочный смысл я расшифровал тогда так: все это будет жить, каждая малая душа, каждая былинка неистребимы. И, напротив, зло, какими бы неисчислимыми легионами насильников и палачей оно ни утверждалось, скоротечно и смертно.

Впервые за много месяцев я ощутил прилив бодрости, меня охватила досада за долгую хандру, за безделье. Я быстро зашагал к своему дому, словно от моей поспешности зависела судьба мира.

Полчаса спустя радио объявило о смерти Андропова. Я вышел на крыльцо без полушубка, без шапки. Холода как не бывало. По улице понуро брела лошаденка, в санях, завалившись набок, покоился некто в тулупе. Поговорить было больше не с кем.

В эту минуту над соседним забором показалась знакомая голова в клокастой кроличьей ушанке. Увидев меня, голова скептически промолвила:

- Влюбился что ли? Или перевод получил?

- Да нет, ты знаешь... Радио слушал?

- Чихал я на радио. Подь посмотри, что у меня сдеялось - не до радива будет.

Его скорбное лицо взывало к сочувствию. Я вышел из своей калитки и зашел в соседскую.

Спина, обтянутая засаленной телогрейкой, мелькнула в воротах, ведущих в крытый двор. Я пошел следом.

- Глянь,- сосед показал рукой на дальнюю бревенчатую стену.

Я приблизился к ней и увидел, что бревна почернели и в то же время давали слабый отблеск, словно покрытые лаком.

- Если б я, как ты, радио слушал, с голой задницей счас бежал бы,- ворчал сосед. - Сюда глянь.

Угол весь выгорел, от бревен осталась одна внешняя оболочка.

- Головня с пожара залетела. И, вишь наказание, до утра тлела. Уж того, кто огонь ненароком запалил, на свете нету, а головни затаились, неровен час все село спялят. Вона как бывает...

Я много лет не вспоминал тот случай. Пока жизнь наша не заполыхала то там, то здесь малыми и большими пожарами. Воистину, головни переживают своего сеятеля. А беспечный пожинает огненную бурю.